

АРИСТАРХ РИДДЕР
КРИС ФОРД
ВАЙ НОТ

5

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Крис Форд
Аристарх Риддер
Вай Нот
Председатель-5
Серия «Председатель», книга 5

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70361491

Аннотация

Правила техники безопасности пишутся не просто так. За сорок лет трудового стажа я это хорошо усвоил.

А вот один молодой олух забыл простое правило, что нельзя включать рубильник, который выключил не ты.

И вместо обычного рабочего дня мне достался разряд тока, после которого я очутился не в больнице, а в купе советского поезда пятьдесят два года назад.

И, похоже, он везёт меня в какую-то глушь, да ещё и по назначению, от которого нельзя отказаться.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	39
Глава 5	53
Глава 6	71
Глава 7	83
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Вай Нот, Аристарх Риддер, Крис Форд Председатель-5

Глава 1

– Нет, Сан Саныч, не проедем. Надо возвращаться, – сказал Андрей после того как мой козлик остановился прямо посреди лесной дороги.

Причиной остановки стало поваленное и горящее дерево, которое вместе с еще тремя лежали поперек дороги.

Странно, по этой дороге, которая через лес идёт от Нового Пути в Ульяново машины ходят каждый день, и ни один водитель никогда не жаловался что вдоль дороги есть сухостой, который может упасть и её, эту дорогу перегородить.

Но факт остаётся фактом. Попасть из Нового пути и других деревень в Ульяново сейчас невозможно. Пока лес не потушат дороги перекрыты.

Я вышел из машины, бросил взгляд назад, где за моей машиной тянулся целый караван грузовиков и автобусов, и прошёлся до преграды.

И точно, хоть близко и не удалось подойти, но видно что деревья-то крепкие. Не должно было их повалить так быст-

ро. А впрочем, что сейчас об этом думать. Надо возвращаться.

Я добежал до нашей колонны и остановившись возле замыкающего грузовика, за рулём которого сидел Мясов, и сказал нашему парторгу.

– Илья Прохорович, разворачивайся, не проехать, впереди завал.

– Ясно, Сан Саныч, – ответил он и добавил к своим словам крепкое ругательство.

После чего стал разворачивать свой неуклюжий грузовик, в кузове которого сидело сразу два десятка детей и несколько беременных женщин.

Вслед за грузовиком, управляемым нашим парторгом, стали разворачиваться и другие машины, через несколько минут вся колонна тронулась в обратный путь.

– И что теперь, товарищ председатель? – напряженно спросил Андрей, когда наша машина вместо головы колонны оказалась в её хвосте.

– А ничего, тушить надо. И ждать помощи из Калуги. Андрей ничего не сказал на это и тяжело вздохнул.

* * *

Лес возле сразу трёх, вернее уже двух, колхозов, Нового Пути и Красной Зари загорелся внезапно. Еще вечером ничего не предвещало беды, наши патрули из лесников и

их добровольных помощников из числа местных мальчишек постарше не заметили ничего подозрительного.

А уже утром ко мне в окно постучался заполошный дядя Митя.

– Беда Ляксандрыч, – выпалил он тяжело дыша когда я открыл окно, – лес горит! Много!

– Саша что там? – раздался сонный голос Маши. Последние недели беременности моей жены проходили очень тяжело и сегодня она уснула только под утро.

– Ничего, спи, – ответил я и уже шепотом обратился к дяде Мите, – пара минут.

Я закрыл окно, быстро оделся и собрался выходить, как в дверях наткнулся на Витьку. Сын тоже проснулся и стоял передо мной уже полностью одетый.

– Пап, что случилось?

Я ответил:

– Лес горит возле нашего колхоза. Я сейчас туда, а ты будь дома.

– Я с тобой, – тут же возразил парень, – буду помогать.

– Нет, ты никуда не пойдешь.

– Я уже взрослый!

– Я знаю, что ты взрослый. И давай поступи по-взрослому. Кто-то из мужчин должен остаться в доме. Кто маме поможет, если что-то случится? Понял меня?

– Понял, пап. Понял.

– Ну вот и молодец.

Выйдя из дома я чуть-ли не бегом рванул к дому Андрея. Служебная машина стояла там. Дядя Митя семенил рядом и рассказывал.

С его слов выходило, что пожар начался в районе четырех утра. Сейчас начало шестого и как раз примерно час ему и нужен был, чтобы пробежать из леса до меня.

– А ты вообще зачем в Красную Зарю поперся? – спросил я когда мы уже почти дошли до дома Андрея.

– Дык, дела у меня там были. Важные.

Ага, такие важные дела, что этот старый хрыч встал ни свет ни заря в собственный выходной, и срезав дорогу через лес, пошёл пешком в Красную Зарю.

То что у Дяди Мити выходной я слышал вчера. Он после окончания рабочего дня завалился в гаражи, где я со слесарями проводил инспекцию техники и стал хвастаться этим фактом.

Такое рвение могли вызвать только две вещи. А тот факт, что он сейчас почти не пил, заставлял определиться на другой.

– И как её зовут? Есть же у твоего имени дело?

– Силён, – ответил дядя Митя, – силён ты Ляксандрыч, раскусил меня. Дунька.

Ага, теперь понятно. Шёл, значит, он к этой неизвестной мне Дуньке и увидел начинающийся лесной пожар.

Притом выходило то, что огонь разгорелся не где-то на опушке, возле дороги или еще где, а в глубине леса. И при

этом гроз вчера не было. Похоже на поджог.

Через четверть часа, Андрей так спешил что сел за баранку в одних трусах, майке и стоптанных сапогах, мы были уже на месте.

И да. Лес, отделявший Новый Путь от Красной зари горел вовсю. И к тому же ветер дул в нашу сторону, так что очень скоро огонь может добраться до нас. Хотя даже если бы его несло в другую сторону, то это не важно, всё равно надо тушить. Не дадим же мы соседям просто так сгореть.

Рядом со скрипом затормозил мотоцикл нашего участкового, в люльке у него сидел Мясов. Я сразу же обратился к нему.

– Надо поднимать мужиков, товарищи, и немедленно приступать к борьбе с огнём. А то, если промедлим, то тут всё сгорит к чертям собачьим.

– Я займусь, – мгновенно отозвался Попов, – и в Зарю съезжу. Они обязаны помочь людьми и техникой. Начнут кочевряться, силой заставлю!

– Поезжайте, Максим Юрьевич, поезжайте, дорогой. Очень нас обяжете, – ответил ему уже Мясов и вылез из люльки.

Попов кивнул, завёл мотоцикл и умчался.

Мы же вчетвером сели в мой козлик и поехали.

– Илья Прохорович, я вас высажу возле правления, звоните в район, сообщайте о нашем ЧП и занимайтесь организацией людей. Я же поеду на аэродром. Не зря же у нас соб-

ственный авиаотряд есть. Пусть товарищи летчики поработают. Узнают площадь возгорания и начнут тушить. Пожарный самолёт у нас, слава Богу, есть. Не зря я с Гордеевым всю прошлую неделю собачился. Как чувствовал.

Через полтора часа, когда все взрослые мужики колхоза были уже на границе леса и нашей центральной усадьбы, приехал Попов.

В это время работа кипела уже вовсю. Тушить лес бесполезно, это всё равно что стаканом воды поливать горящий дом. Но вот не дать огню подойти на опасное расстояние к домам и постройкам было можно и нужно.

Поэтому мы все не покладая рук рубили лес, готовясь в нужный момент создать встречный вал огня. Да, для того чтобы справиться с огнем требовалось самим поджечь лес.

– Красная Заря тоже горит, – сказал Попов. У них крупный очаг возгорания с другой стороны колхоза. Уже пшеничные поля загорелись. Их председатель наоборот просит у Нового Пути помощи. Там уже до ферм рукой подать.

– Да твою мать! Что тут вообще происходит! Ладно, не дай бог у них скотина сгорит. Надо помогать. Митя! Ягодецкий! – крикнул я.

– Что, Сан Саныч? – тут же отозвался вчерашний раздолбай, а сейчас чуть-ли не примерный семьянин и герой.

– Бери с десяток мужиков, садитесь на грузовик и дуйте в Красную Зарю, – Ягодецкий кивнул и убежал.

– Максим Юрьевич, – обратился я к участковому, – де-

ло принимает опасный оборот. Нужно обеспечить эвакуацию женщин и детей из обоих колхозов. Займётесь?

– Вы думаете? Не слишком ли резкие меры? Лапину не понравится что вы за него командуете.

– Пусть своё нравится-не нравится в задницу себе засунет. Я, в конце концов не только председатель колхоза, но еще и депутат верховного совета. И как депутат верховного совета я беру руководство в свои руки. Так ему и передайте.

– Хорошо я понял.

То что моё решение правильное выяснилось очень быстро. Такое ощущение, что горел весь район, и так как проселочные дороги то и дело пересекали леса, то очень скоро эти проселки стали непроходимыми из-за дыма и огня. Для связи с районом оставалась всего одна дорога, главная, которую нам когда-то построили люди Кольцова.

Да и она была уже изрядно задымлена.

Так что Лапин даже не думал сцены устраивать и, наоборот, даже с облегчением решился на эту эвакуацию.

Тем более, что к вечеру стала видна её необходимость. Мы-то ладно, ветер затих, и огонь в нашу сторону двигался медленно. А вот в Красной Заре была вообще беда. Я перекинул туда чуть ли не две трети всех рабочих рук, но было понятно, что соседям будет нанесен тяжелый урон.

Поэтому и пожарный самолёт из авиаотряда Гордеева первым делом стал работать именно по Красной Заре.

Так что к вечеру собрался большой караван из двух десят-

ков грузовиков и автобусов, который я и повёз в Ульяново. Мы с Мясовым поехали сами, так как и дорога в райцентр сильно задымилась и стала опасной. А в машинах люди. Так что ответственность на мне.

И вот сейчас выяснилось что всё напрасно. Мы отрезаны огнем.

И даже не сообщить об этом, телефонная связь-то оборвана. Одна надежда на лётчиков, которые сообщат даже не в Ульяново, а в Калугу.

Хотя что там могут сделать? Даже всех пожарных расчётов не хватит, чтобы переломить ситуацию, пожарной авиации тоже не очень много. Если только людей еще нагнать. Но когда они придут. Да и придут ли.

В итоге, всех беженцев, по другому не назовёшь, мы разместили у себя в клубе.

К закату ситуация стала еще хуже. Красная заря вовсю горела, а у нас огонь подобрался к новой теплице. Таким темпом и соседский колхоз к утру будет уничтожен, и мой получит сильнейший удар от которого тяжело будет оправиться.

Товарищ Кандренков, который вечером прилетел на вертолете, смелый мужик, не побоялся, ничего обещать не мог. С той стороны горящего затора к нам прорубалась сборная колонна калужских воинских частей, но когда еще вояки будут у нас.

А потом всё кончилось. Ветер как-то одномоментно стих, потом вдалеке блеснула вспышка и через полминуты раздал-

ся гром. Вслед за которым на измученную засухой землю начали падать крупные тяжелые капли.

Дождь! Первый за много недель дождь!

К полуночи в окрестностях Нового Пути во всю бушевала самая настоящая буря. Она как бы отыгрывалась у жары за все те месяцы, когда мы ждали дожди. Такого потопа я тут не видел ни разу.

Но мне некогда было радоваться. Потому что мало мне было этого пожара. От нервов у Маши начались преждевременные роды, а так как ФАП был в Красной Заре, куда было не проехать, уже не говоря о том, что я вообще планировал везти её в Калугу, как срок подойдёт, то моя жена начала рожать прямо у нас дома.

Хорошо хоть Андрей сгонял в Красную Зарю и привёз оттуда фельдшера. Везти Машу было нельзя, мест в ФАПе всё равно не было. Крошечную палату занимало аж восемь пострадавших от пожара. Не выгонять же их из-за одной, пусть даже и рожаящей женщины.

И, что хуже всего, я в это время даже не мог быть рядом с женой, так как, хоть пожар нам больше не угрожал, но проблем было столько, что впору за голову хвататься.

И главной, было размещение племенного стада Красной Зари. Ферма-то тю-тю, сгорела.

Поэтому мы всё стадо перегоняли к нам. На молочную ферму, благо что за прошлый год мы её расширили, намереваясь увеличить поголовье, но засуха и дефицит кормов

планы эти подкорректировали.

Еще одной проблемой была дорога в Ульяново. Дождь потушил пожар, но завалы-то остались. И нужно было её расчистить.

Ну и по мелочи, например в Новом Пути пропало электричество, что привело к прекращению водоснабжения и остановке работы очистных сооружений. Этой проблемой тоже нужно было заниматься незамедлительно. Особенно учитывая то, что у нас в клубе обосновались несколько десятков женщин и детей.

Вот потому-то я и бегал сайгаком по всему колхозу и центральной усадьбе пытаюсь одновременно быть сразу в десятке мест.

Но, слава Богу, на этом мои неприятности на сегодня закончились, и, когда я в очередной раз приехал домой, чтобы узнать новости то первое, что увидел это улыбающегося Витьку. А потом услышал детский плач.

– У меня сестренка родилась, – довольно сказал сын. Я потрепал его по волосам и, сняв насквозь мокрый плащ с заляпанными грязью сапогами, вошёл в комнату.

– Александр Александрович, – буквально зашипела на меня дородная фельдшерица, – в каком вы виде! Я понимаю что это не больничная палата, а ваша собственная спальня. Но в таком виде к ребенку нельзя.

– Я буквально на секунду, – ответил я, – Маша, как ты?

– Хорошо, – раздался голос моей жены, таким слабым я

его никогда не слышал, но при этом помимо слабости в голосе звучало еще и счастье, — у нас дочка, здоровая и красивая дочка.

— Всё, вы узнали что хотели, а теперь не мешайте мне, — тут же вступила в разговор фельдшер, — Мария Никаноровна родила буквально несколько минут назад.

* * *

— Сан Саныч, ну что там у тебя, — спросил меня Мясов, когда я приехал на молочную ферму. На часах уже далеко за полночь, а работа в самом разгаре.

— Дочка, — только и сказал я.

Илья Прохорович обнял меня, потом пробурчал что-то похожее на «одну секунду» и убежал куда-то.

Чтобы через минуту вернуться с какой-то сумкой. Из которой тут же появилось сразу несколько бутылок, стаканы и сверток с бутербродами.

— Раскулачил зоотехников, у них припрятано было, — объяснил мне Мясов причину появления водки.

— И бутерброды тоже?

— Э нет, это я себе сухпай приготовил, еще вчера.

— Сразу два десятка? — усмехнулся я.

— Ну а что? Я люблю бутерброды. Но что мы всё о таких глупостях. Товарищи, товарищи! — громко обратился он к колхозникам, которых несмотря на ночное время было пол-

но на молочной ферме, да и вообще в эту ночь по всей округе мало кто спал, – у меня радостная новость. Только что наш с вами Сан Саныч Филатов во второй раз отцом стал!

Бутылки и нехитрая закуска тут же пошли по рукам и после того, как все присутствующие выпили за здоровье новорожденной, на такое грубое нарушение как употребление на рабочем месте я решил сегодня закрыть глаза, меня начали поздравлять.

А потом, когда все вернулись к работе, Мясов отозвал меня в сторонку и сказал.

– Сан Саныч, ехал бы ты домой. И без тебя народ справится. А я с Фроловым и Лапиным за всем присмотрю.

Я хотел было ему возразить, а потом понял, что не хочу. В конце концов сейчас и без меня понятно, что делать. Через секунду мигнули лампочки освещения и загорелся свет.

– О, молодцы электрики, надо будет им премию выписать, быстро управились, – довольно сказал парторг. – Вот видишь Сан Саныч, уже и со светом вопрос решили. Езжай домой. Тебя жена с детьми ждут.

– Пожалуй та прав, Илья Прохорович, поеду.

– Вот и молодец. Как дочку-то назовете.

И тут я понял, что не знаю. Мы почему-то были уверены что у нас будет сын, и об имени для девочки даже не думали.

– Не знаю, – ответил я.

– Ну ты даёшь, папаша, – засмеялся парторг, – ладно, придумаете. Иди давай.

Очень довольный, но очень уставший я медленно брёл до машины. Андрей, обычно говорливый за рулём, почему-то молчал. Хотя наверняка его так и подмывало начать меня расспрашивать. Его Аллочка наверняка будет рада новостям из первых уст. Но нет, молчит и только на дорогу смотрит.

– Зайти-то можно? – спросил он когда козлик остановился возле моего дома, – глянуть одним глазком и Машу поздравить.

– Можно конечно, если она не спит. А потом отвезешь фельдшера в Красную Зарю?

– Конечно.

Маша не спала, в отличие от Витьки, который свернулся калачиком на диване в зале, который у нас был проходным. Растолкав сына я велел ему идти в кровать.

К моменту моего прихода всё уже было в порядке. Дочка спала в люльке, а Маша о чем-то тихо говорила с фельдшером. Та посмотрела на меня таким же скептическим взглядом, но промолчала.

Поцеловав жену я подошел к дочке и склонился над ней. Маленький человечек спокойно спал.

Потом в спальню заглянул Андрей, поздравил Машу, посмотрел на ребенка и увез фельдшера.

А мы, наконец, остались вдвоём.

– И как мы назовём дочку? – спросил я у Маши.

Но ответа на свой вопрос не услышал, жена уснула так быстро, что я даже не успел ей ничего сказать.

Что ж, это сейчас не главное. Главное, что Маша благополучно родила и то, что катастрофическая засуха, наконец, закончилась.

От авторов:

Кто хочет, может предложить свой вариант имени для дочки героя. Либо лайкайте уже предложенные. Прочитаем все варианты и сделаем выбор на основе ваших предложений.:)

Глава 2

Катастрофа, иначе не скажешь, закончилась, но трудности только начинались. Однако, мне нужны были эти несколько часов передышки, которые я провёл вместе с женой, новорожденной дочкой и Витей.

Имя для девочки мы выбирали всей семьей, и в итоге сошлись на Виктории. Оно и само по себе красивое, а ещё и символичное, ведь она родилась в момент победы над пожаром и засухой.

Но время покоя закончилось уже на следующий день. Причём для всех.

Ещё во время пожара стало понятно, что Красная Заря пострадает сильнее всех. Но их потери оказались ещё более серьёзными, чем все предполагали. Выгорели большие площади полей и без того пострадавших от засухи, но и помимо этого зацепило некоторые дома в деревне, а ещё пострадало много скота.

И если с первой частью проблем они ещё могли справиться своими силами, то ситуация с животными никак не могла разрешиться без помощи со стороны. Особенно сильно пострадал коровник. На его территорию стремительно перекинулся пожар, и часть скотины не успели вывести, другие получили ожоги или просто отравились угарным газом, и все они отчаянно нуждались в помощи людей, которых ка-

тастрофически не хватало, особенно ветеринаров.

Конечно же, к подобному не могла остаться равнодушной моя Машенька. И, несмотря на буквально вчерашние роды и большое желание провести время с дочкой, она, как истинная жена декабриста, твёрдо заявила, что поддержит меня всем чем сможет и выйдет на работу. С оглядкой на своё самочувствие, конечно же, и не на полный день, ведь дочку нужно кормить. Но всё-таки.

Так что к нам уже ехала её мать, Зинаида Петровна, чтобы ухаживать за Викой, пока Маша будет помогать Красной Заре справиться с последствиями поджога.

А то, что это поджог, как я и думал, подтвердилось довольно быстро. Даже в условиях засухи, очаги возгорания в нескольких разных и не самых подходящих для этого местах не могли не вызвать подозрения.

И они полностью подтвердились когда наш участковый с лесниками буквально с лупой и ползая на брюхе прошерстили лес.

Уже на следующий день у меня с Поповым состоялся соответствующий разговор...

* * *

– Поджог это был Сан Саныч, – прямо сказал мне участковый, когда донельзя грязный заявился к нам в правление. – Могу поставить голову против макового зерна, что это был

поджог. И вот что я тебе скажу, эти твари, а по другому таких уродов никак не назвать, хорошо постарались. Зажгли не только окрестности Нового пути, но и Красную Зарю. Я не я буду, если это был не отвод глаз.

– С чего ты взял? – удивился я.

– Ну сам посуди. То что твой колхоз очень сильно выделяется среди остальной серой массы это считай факт. И то, что ты совсем скоро приберешь к рукам и Красную Зарю это тоже факт. Вон как у тебя хорошо со Светом Коммунизма получилось. Нет, это всё направлено против тебя.

– Ну ты прям дедуктивный гений. А факты-то есть?

– Пока нет, но я обещаю что всё раскопаю. Дай время.

Может быть Попов и прав, кто его знает.

Но, к сожалению, ничего более конкретного пока тоже не удалось узнать. Кто и зачем поджигал лес пока оставалось загадкой. И, даже несмотря на слова участкового, я не мог с полной уверенностью утверждать, что это было направлено против меня. Ведь к Красной Заре до этого момента я не имел никакого отношения. Даже наоборот, они меня терпеть не могли.

Так что это всё гадания на кофейной гуще.

Но, стоит сказать, что прямо сейчас градус неприязни к Новому Пути и ко мне лично у них пошёл на спад. Ещё бы! Учитывая, как много мы им теперь помогали, нужно совсем не знать, что такое благодарность, чтобы всё ещё нос ворошить. Хотя, конечно, оставались среди них и те, кто волком

смотрел, да бурчал что-то типа, что это с момента моего появления у них все проблемы и начались.

Но я не обращал на подобное внимание. Кто бы там и что себе не думал, а важнее всего – наше общее дело.

Тем более, что подходило время сдачи планов. И в этом году справиться с ними было сложно, как никогда.

Даже мой первый год в колхозе, когда он мне достался, можно сказать, в разобранном виде, теперь казался семечками, лёгкой тренировкой перед настоящим испытанием на прочность.

За это лето, я успел сам себя обругать бесщётное количество раз. Это было беспечно с моей стороны не попытаться вспомнить все важные события, что произойдут в ближайшем будущем. Конечно, я был загружен работой по самые помидоры, но это не оправдание тому, что я так поздно вспомнил о засухе семьдесят второго года. Случись это раньше, я бы успел гораздо лучше подготовиться и, может быть, даже переубедить остальных. Помочь всему союзу принять правильные решения. Но получилось, как получилось, и поэтому пришлось буквально выгрызть у природы шанс выполнить планы.

К счастью, мы успевали со всем справиться, даже несмотря на пожар. Но вот полностью вытащить со дна Красную Зарю в короткие сроки уже точно не выйдет. Хотя до пожара они тоже неплохо справлялись.

Однако, я надеялся на скорое собрание в Калуге по во-

просам сельского хозяйства в колхозах нашей области. Нас уже предупредили, что часть планов в связи с бедствием будут пересмотрены, так что, может быть, нашим соседям ещё и повезёт. Хотя, даже в этом случае и с нашей помощью, им всё ещё будет очень не просто.

Но мы с их председателем, Лапиным Иваном Алексеевичем, заранее это старались не обсуждать. Проще было уже дожидаться дня икс.

И, когда он, наконец, наступил, то мы поехали в Калугу вместе, и я видел, что сосед одновременно и нервничает, но в то же время находится явно в приподнятом настроении, надеясь, что его людям станет чуть проще.

Честно сказать, я сочувствовал Лапину. Он стал председателем Красной Зари не в самое удачное время, попав между молотом и наковальней. Сразу после Алексеева, который хоть и сделал свой колхоз преуспевающим, но был не чист на руку.

В итоге, под руководством Лапина, колхозникам Красной Зари пришлось спуститься на землю, с тоской вспоминая прежние времена нечестных излишков.

А теперь ещё и это. Засуха и пожар, после которых придётся долго восстанавливаться.

* * *

Я не люблю опаздывать, так что в Калугу мы приехали

чуть ли не самые первые из всех, кто должен присутствовать на собрании, а таких людей ожидалось очень много, всё-таки с целой области поедут. Потом, конечно, будут собрания и в каждом районе, более предметно, и эта мысль меня удручала.

Очень часто вся эта бюрократия и официозы просто тратят бесценное время, которое можно посвятить чему-то более полезному. Но, повлиять на это я пока никак не мог.

Но хотя бы, само собрание началось без опозданий и довольно бодро. Все приехали вовремя.

Нас собрали в актовом зале калужского обкома, где на сцене стояли столы, за которыми в строгих костюмах сидели все важные шишки области, кто имел хоть какое-то отношение к сельскому хозяйству. По центру стояла трибуна, куда выходили чиновники, из числа тех, кто должен донести до остальных новости.

Ну а простые председатели и прочие исполнители расположились уже в зале, и я был среди них.

Сначала последовала краткая вступительная часть, о том, какой трудный год выдался для всего Союза. Дальше похвалили всю область, а особенно Кандренкова, которые тоже сидел за столом, за своевременно принятые меры, благодаря которым наша область пострадала от засухи не так сильно, как многие другие. Упомянули и меня тоже. А вот дальше началось самое интересное.

Разговор, наконец, вплотную приблизился к планам, и все

замерли в ожидании. В зале и до этого было тихо, а теперь так и вовсе, некоторые как будто и дышать перестали. Для многих это сейчас был очень важный вопрос.

Я тоже сильнее наострил уши, когда начальник областного управления сельского хозяйства заговорил о нашем районе.

– И хотя в Калуге много колхозов сейчас показывают себя очень достойно с учётом тех трудностей, который сейчас переживает Советский Союз, планы во всех районах будут скорректированы в меньшую сторону, кроме планов для колхозов Ульяновского Района. Кроме того, колхозу Новый Путь, как самому передовому, план будет скорректирован в большую сторону. Не подведите нас, товарищ Филатов, – обратился он напрямую ко мне, после чего назвал конкретные цифры.

А я просто охренел от услышанного. То есть, мы всем колхозом впахивали, чтобы суметь выполнить план полученный в начале года, который никак не учитывал засуху, а теперь нас за это ещё и наказывают? Кроме как насмешкой и издевательством, это назвать было нельзя.

Судя по всему, удивлён раскладом был не только я. По залу прошёлся ропот, а Лапин, сидевший рядом со мной так вообще побледнел и сокрушённо пробормотал:

– Это как же так, Сан Саныч? И ведь нам получается тоже не пересмотрели...

Я молчал, обдумывая варианты действий. Да и мне попро-

сту нечего было ему ответить. Происходящее мне нравилось не больше чем ему.

Да, возможно, мы сумеем выполнить и этот план тоже, но тогда попросту останемся без штанов, и это даже не преувеличение.

И реакция моих колхозников на такие новости, скорее всего, будет соответствующей. Я старался наладить работу так, чтобы тяжёлый труд всегда достойно вознаграждался. Но с новыми планами ни о каких наградах речи не идёт. С нас буквально хотят последнюю шкуру содрать.

После собрания я сразу же пошёл напрямую к Кандренкову, но даже мой союзник лишь развёл руками и сказал, что все указания пришли сверху, и сделать с этим он ничего не может, как и никто в области.

Ко мне также подходили и некоторые другие сочувствующие, из тех, кто присутствовал в актовом зале, хлопали по плечу, а некоторые даже предлагали посильную помощь. Это лето всем далось непросто, и они хорошо понимали, какую нагрузку повесили на Новый Путь.

Такая поддержка, конечно, была приятна, но глобально ничего не решала, и я, загруженный, вернулся домой, где принял твёрдое решение достучаться, если понадобится, и до министра сельского хозяйства. Я должен хотя бы попытаться уберечь своих людей от подобной несправедливости.

Конечно, сейчас тяжело всем, но мы и так делаем всё, что можем. С полной отдачей.

Я собирался позвонить в Москву уже завтра, но, как ни странно, министр меня опередил.

Мацкевич сам позвонил ранним утром, и в трубке я услышал следующее:

– Сан Саныч, я понимаю что у тебя в колхозе сейчас происходит. Но не мог бы ты приехать завтра ко мне, в Москву. У меня к тебе разговор. И он, к сожалению, очень неприятный...

Глава 3

Я сидел на переднем сиденье козлика и молчал, просто смотря на дорогу. Андрей понимал мои чувства, сразу после того как вышел из здания министерства я рассказал ему. Поэтому мой верный Санчо Пансо молчал, не желая нагнетать ситуацию ещё сильнее.

Обычно, я предпочитаю поезд, но, чтобы не тратить время, в этот раз мы поехали в Москву на машине, сразу же после звонка министра.

Я до последнего надеялся, что увеличение планов – это какая-то нелепая ошибка, ведь как иначе? В связи с бедствием, всем колхозам планы, наоборот, уменьшали, но не нам. Но после встречи с Мацкевичем всё встало на свои места, и я оказался один на один с новой проблемой.

Правда заключалась в том, что никакой ошибки изначально и не было, Владимир Владимирович это подтвердил. Вот так радость недругам!

Меня тогда накрыло возмущение, предупреждаешь о засухе, стараешься во благо страны и в итоге получаешь вот такой вот «подарочек». Сам не заметил, как высказал всё накипевшее министру, а тот в свою очередь подтвердил, что полностью разделяет мою позицию и рассказал довольно интересные подробности того самого дня, когда на внеочередном собрании Центрального Комитета Коммунистической Пар-

тии принималось решение.

За всё голосовали списком, и только Мацкевич обратил внимание на несправедливость. Не помогли ни разговоры с самим Леонидом Ильичом, ни поддержка Алексея Николаевича Косыгина, их доводы так и не были услышаны. Решение буквально продавили через голову министра сельского хозяйства и председателя Совета министров. Я крайне удивился услышанному, однако лукавить Мацкевич бы не стал. Но раз решение приняли таким образом, и оно не подлежало никакому обсуждению, то явно неспроста...

Понятное дело, раз через голову министра это утвердили, то я ничего не смогу добиться, и никакие разговоры не помогут, а если буду пытаться что-то изменить, то скорее всего мне ещё сильнее прилетит.

Да, будет сложно, ещё как! Но я просто обязан выполнить план, чего бы мне это не стоило. Колхоз, в который никто не верил, уже однажды проделал невозможное и вышел на такой уровень, каким немногие могут похвастаться, а значит сможет и ещё раз!

Вернувшись домой, я назначил собрание на завтрашний день и, судя по довольным лицам колхозников, выполнявшим свою работу, они даже и не догадывались, какие новости их завтра ждут.

На собрание пришло куда больше людей, чем обычно. Недавние события сильно сплотили колхозников и многие хотели узнать больше о ситуации с пожарами в других регионах страны. Также, стоило мне выйти к пришедшим в зал клуба, как в мою сторону сразу посыпались поздравления. Да, появление на свет нового члена моей семьи не могли оставить без внимания, ведь в колхозе новости быстро разлетаются, особенные такие.

Когда с поздравлениями закончили, я плавно приступил к итогам борьбы с засухой и огнём. Все знали, что во время пожара больше всего пострадала Красная Заря. Несмотря на всё ещё немного натянутые отношения, бросить их в беде мы не можем, а это означало появление дополнительной работы для моего колхоза. Новость эта была воспринята на удивление хорошо. Так уж у нас заведено – своих не бросаем.

Я окинул взглядом улыбающихся колхозников и тяжело выдохнул, ведь самое неприятное пришлось оставить напоследок. У меня не было и капли сомнений в том, что эта новость испортит настроение каждому присутствующему здесь колхознику и оказался прав.

Стоило мне озвучить новый план, как от хорошего настроения не осталось и следа. Они, ровно как и я, понимали, что выполнение поставленной задачи невозможно, а если и воз-

можно, то нам придётся отдать всё, что только удастся собрать, оставив колхоз буквально ни с чем.

— Александр Александрович, — ко мне с улыбкой обратился механик, — у вас там ошибка что ли? Разве нам могут план повысить? Да ещё и настолько!

— Да! — подхватил ещё один мужчина. — У нас же и так работы невпроворот, в Красной заре беда, помочь надо, а нам ещё и план повышают? Это как понимать?

По лицам присутствующих я понимал, что подобные вопросы крутились в голове у каждого. Как же мне было неудобно перед своими людьми. Несколько месяцев наш колхоз вёл ожесточённую борьбу с засухой, каждый житель старался во благо страны, и вот, что мы в итоге получили. Всё скорее напоминало наказание, нежели благодарность и увы, повлиять на решение людей свыше я сейчас не мог.

— Нет, ошибки здесь нет. Наш колхоз хорошо справляется с поставленными задачами, поэтому руководство так распорядилось. Я прекрасно понимаю ваши чувства, но не забывайте, как сильно изменился наш колхоз всего за пару лет. Да, нам всем будет нелегко, но я уверен, что мы справимся! Бывали времена и похуже!

— Верно, и с этим справимся! — махнула рукой женщина в первом ряду.

Мне показалось, что люди приободрились, как вдруг раздалось громкое постукивание, заставившее людей оглянуться назад. Я, как и все, пытался найти источник звука, по-

ка мой взгляд наконец не остановился на Иване Яковлевиче. Этому старику уже давно за восемьдесят, еле ходит, но считает своим долгом присутствовать на каждом собрании. Старше или хотя бы примерно одного с ним возраста здесь никого не было. За два с лишним года, я провёл довольно много собраний, однако, на моей памяти, он ни разу не высказывался, но именно сейчас, стук идеально ровной высушенной длинной палки, служащей старику тростью, явно требовал к себе внимания.

– Иван Яковлевич? – обратился я к нему, – вы что-то хотите сказать?

Он медленно поднялся со стула, держась за свой посох двумя руками.

– На своём веку я поведал много бед, – покашливая начал он, – засухи, болезни, войны... но я могу по пальцам пересчитать те случаи, когда руководство страны так несправедливо поступало с людьми и то, тому была причина! Но какая причина сейчас? Вы ведь сами сказали, что мы в числе немногих, кому не без труда удалось справиться с напастью. Так за что же нас наказывают? Вот скажите сами, считаете ли вы это решение справедливым?

Колхозники, смотревшие на старика, тотчас уставились на меня, ожидая ответа на провокационный вопрос.

– Я тоже считаю изменения в плане несправедливыми, – я не стал предавать себя, ровно, как и свой колхоз, поэтому ответил правду, – несмотря на то, что я должен подчиняться

решениям свыше, первое что я сделал – это посетил министра сельского хозяйства и убедился, что в данном решении нет никакой ошибки. Мне было отказано в отмене или хотя бы уменьшении требований к нашему колхозу.

– Эх, надо как раньше, ходоков в Москву засылать. Раз наш председатель не может защитить свой колхоз, то это делает трудовой коллектив, – он вновь стукнул тростью, – будь я моложе, сам бы отправился в ЦК! Или к Косыгину! Нет, лучше сразу к Леониду Ильичу Брежневу! Нужно открыть глаза на творящийся беспредел.

Увидев, как люди перешёптываются и, возможно, начинают соглашаться с его доводами, я громко ударил по столу, что тут же привлекло их внимание и сказал:

– Нет, этого не будет, пока я здесь председатель.

Однако, этого было не достаточно, чтобы старик успокоился. Он явно был в настроении устроить бучу и продолжал настаивать на своём, а некоторые с ним соглашались и, в конце концов, собрание грозило перерасти в какой-то бедлам и скандал.

Тогда я снова повысил голос и громко заявил:

– Если вы собираетесь заниматься самоуправством, то ставлю вопрос о переизбрании нового председателя на голосование, пусть он и засылает людей куда угодно! Если вы считаете, что моей поездки в Москву было мало. Кто за то, чтобы выбрать нового председателя?

Предложение было жёстким, но тут уж иначе никак. Либо

мне доверяют, либо нет. Иного выбора не дано.

Собравшиеся подняли такой шум и суету, что у меня голова разболелась. Так или иначе, меня это мало волновало, я молча ожидал итогов голосования.

– Я никого, кроме Сан Саныча, не признаю! – недовольно скрестил руки Ягодецкий, повернувшись к стене. Всё лучше, чем наблюдать за глупым спором.

– Ты чего, старый! Совсем из ума выжил? Да наш председатель сделает для нас всё, что сможет! Видишь, как жизнь у нас изменилась? Вспомни каких нам раньше баранов присылали! Как вообще у тебя язык повернулся?

– Я ни в коем случае не против председателя, но это решение нужно оспорить! – ответил на нападки колхозников старик.

– Напоминаю, поднимите руки те, кто хочет переизбрания, – до сих пор я не увидел ни одной руки, но ситуация не изменилась даже после напоминания, – хорошо, тогда поднимите руки те, кто искренне доверяет моим решениям и кого устраивает моя кандидатура.

После этих слов, рука за рукой поднялись вверх. Посмотрев по сторонам, старик то ли звонко плюхнулся на стул, то ли упал на него от удивления. Мне не нужно был даже подсчитывать голоса, очевидным было то, что люди готовы идти за мной.

– Единогласно! – я громко озвучил исход голосования, после чего перешёл к сути, – а теперь послушайте, товари-

щи колхозники. Наверху сидят люди не глупые, если они решили, что такое решение необходимо, то значит не просто так! Прошу вас не забывать, что мы смогли пережить эти тяжёлые месяцы практически без потерь, но не вся страна. Большинство колхозов потеряли практически весь урожай. И наш прямой долг помочь Родине в эти трудные времена! Я могу обещать вам ещё кое-что, — я окинул взглядом всех колхозников, затем поднял ладонь на уровне головы и сжал руку в кулак, — мы, товарищи, станем одним из тех колхозов, что накормят страну!

* * *

Едва я это сказал, как тут же зазвучали аплодисменты, как без них.

А когда они утихли, то с задних рядов поднялся какой-то неприметный мужичок, которого я раньше как-то не замечал.

Притом подняться он сумел далеко не с первой попытки, сразу две женщины буквально держали его за полы выдавшего вида пиджака, а он что-то злобно им говорил. Наконец одна из них махнула рукой, а вторая даже закрыла лицо руками.

— Можно я скажу, товарищ председатель? — спросил он высоким и каким-то надтреснутым голосом.

— Можно конечно, но что вы будете оттуда говорить? Вы-

ходите вперёд, встаньте рядом со мной. Так вас будет лучше видно и слышно. — ответил я.

Мужик пошёл вдоль рядов, и я понял, почему не сразу его вспомнил, вроде бы работает в Свете Коммунизма скотником, но я могу и ошибаться. Всё-таки я еще не всех там запомнил.

Пока он шёл, сразу несколько человек пытались его остановить.

— Лукич, ты куда прёшь? Охолони!

— Да что ты, Петрович, Фаддейку не знаешь? Ему как обычно жёлтая вода в голову ударила! Сейчас Фаддейка всю правду-матку нам расскажет.

Что характерно, все говорившие были из Света Коммунизма. Видать, это какой-то известный кадр там.

Когда он подошёл поближе, я сумел его рассмотреть как следует. Высокий, широкоплечий. Когда-то это был видный мужчина, он точно бабам нравился.

Сейчас же от былых статей не осталось ничего кроме роста. Худоба, блеклые растрепанные волосы посыпанные сединой и кустистые брови, из под которых злобно блестели глубоко посаженные глаза.

Мужик встал прямо рядом со мной, и, прежде чем он начал говорить, я сказал:

— Вы, пожалуйста, представьтесь. И я вас слушаю.

— Фаддей Лукич Семиручко. Я скотник в Свете Коммунизма, вернее, теперь уже в вашем Новом Пути.

– Почему это в вашем, Фаддей Лукич? В нашем, в нашем.

– Ну, воля ваша, товарищ председатель, в нашем, так в нашем, – пожал плечами он, – и вот что я хочу сказать, хоть мы тут только что и проголосовали, но я не согласен.

– Простите, Фаддей Лукич, не согласны с чем? С тем что колхозники мне доверяют? А что тогда против не проголосовали.

– Э нет, что я шалопай какой-то? С обществом я согласен, как же это идти против общества? Тут вопросов нет.

– Тогда с чем?

– А с тем что вы, товарищ председатель сейчас так хорошо говорите, вот как лектор из города, честное слово. И всё у вас на словах складно да ладно. Но я знаю чем это всё закончится.

– И чем же?

– А тем, что по осени наши амбары пустые стоять будут, а скотину вы всю уведёте со дворов. Всё, чтобы только план выполнить. Шкуру с нас со всех спустите, но наверх отчитаетесь.

– Фаддей! – Буквально закричал со своего места Фролов. – Побойся Бога! Ты что такое говоришь!

– А ты меня не затыкай, не затыкай! – Злобно ответил старый колхозник, – у меня теперь другое начальство, не ты! И я уже своё отбоялся, вон, пусть молодые теперь боятся. Те, которые обещают там, – он со значением поднял палец вверх, – черти чего, а потом нас без хлеба оставляют. Хоро-

шо хоть палочки эти проклятые отменили, а то по осени нашим бабам пришлось бы печь булки с корой.

– С чего вы это взяли, Фаддей Лукич? – спросил я у него.

– А с того что вы все одинаковые, начальники, хозяева. Вот ты что, председатель, – от злости Семиручко даже стал мне тыкать, – ты думаешь что ты такой первый у меня на веку? А вот хренушки! Я это всё уже проходил. И сразу после войны, и когда Сталин умер, и позже. Чуть что, так колхозники последнее отдают чтобы городских прокормить. Вот таких вот дармоедов, которые планы составляют!

– Это где ты, Фаддейка, такое видел? – раздался очередной женский голос с задних рядов, – я у нас в колхозе такого не помню.

– Дура ты, Васильна, пустоголовая. Тебе бы не на ферме работать, а у меня в огороде стоять вместо пугала. Вот очень ты на него похожа. В голове одна солома, а не мозги.

– Товарищ Семиручко. Попрошу вас не выражаться, мы всё ж таки на собрании, а не у вас на завалинке семечки лузгаем.

– А что она лезет во что не понимает. Да, не здесь так было. Что правда то правда. А вот в моём старом колхозе такое было, и не один раз. И сейчас будет всё тоже самое!

Мда. Надо бы узнать откуда у нас взялся этот карбонарий недоделанный. Тоже мне правдоруб.

Но по существу он к сожалению прав, было такое и не единожды. Но вслух я этого говорить не стал. Вместо этого я

глубоко вдохнул и ответил.

– Даю Вам слово, Фаддей Лукич, что приложу все силы, чтобы ничего подобного не случилось. Врать не буду, по-всякому дела пойти могут. Но я наизнанку вывернусь, а постараюсь не допустить, чтобы мои люди голодали и нуждались. И вы, товарищи, – я обвел взглядом колхозников, – должны мне в этом помочь. Все вместе как один!

Глава 4

– А ты всегда такой смурной, Саша? – услышал я за обедом вопрос Зинаиды Петровны, моей тёщи, высокой худой женщины со строгим лицом, но был настолько погружен в свои мысли, что даже сначала не понял, что она обращается ко мне.

Маша успела ответить первой:

– Нет, конечно! Мама, я же тебе объясняла, что сейчас в колхозе очень трудный период.

Тёщу явно не впечатлил её довод, так что она недовольно пробуктела:

– Проблемы надо оставлять на работе. А дома с семьёй быть поприветливей.

– Мама, перестань, – тут же снова вмешалась Маша.

И, как ни странно, Зинаида Петровна действительно больше ничего не сказала.

Я тоже решил промолчать, тем более, что ни спорить, ни, тем более, оправдываться мне не хотелось.

В целом, с момента приезда тёщи к нам в гости, мы ужились мирно. Хотя дом резко стал казаться каким-то маленьким и тесным. Но, правды ради, Зинаида Петровна нам здорово помогала с Викой. Даже не знаю, как бы мы без неё справлялись.

Да и с Витей они начали больше общаться, что тоже важ-

но. Мне хотелось, чтобы у мальчика была полноценная семья, состоящая не только из родителей, но и бабушек с дедушками тоже. Да и тогда, при необходимости, он будет с гораздо большим удовольствием ездить в Ульяново.

К слову, в лагерь в этом году мы всё-таки решили его не отправлять. Слишком уж сложное лето выдалось, да и лагеря ведь почти всегда за городом, а повсюду пожары и дым.

Так что общим семейным советом, поездку было решено отложить на следующий год. Тем более, что Витя и сам очень хотел остаться, чтобы помогать беременной Маше по дому и не только.

А вообще, моя тёща в чём-то и права. Если подумать, в последнее время только семья меня и радует. Возможно, и правда не стоит превращаться в вечно загруженного трудоголика, который даже за совместным обедом думает о делах.

Хотя, конечно, Витя с Машей, всегда относились к этому с пониманием. Тем более, что сейчас и правда с поводами для беспокойства натуральный перебор.

Всю последнюю неделю я провёл в экономических подсчётах. И не я один. Ребята проходившие у нас практику зимой и весной, приехали окончательно устраиваться на работу.

К моему удивлению, приехали они в полном составе, все пятеро. Даже Жанна, которая любила поспорить по разным поводам и вообще, как мне казалось, была не слишком впечатлена работой в колхозе.

Но, узнав, как у нас обстоят дела этим летом, все немного приуныли, хотя и понимали, что у нас ещё не так плохо, как во многих других местах.

И вот, как бы не крутили мы расчёты и планы, как бы не сводили и высчитывали, пытаюсь сэкономить каждую копейку, но по всему выходило, что старик Фаддей был прав. Нам никак не выполнить планы, не раздев колхозников. И это вгоняло меня в глубочайшую тоску. Я даже подумывал начать воровать песни из будущего, чтобы претендовать на авторские гонорары.

Но в конце концов, решил попытаться добиться справедливости ещё раз. И мы с ребятами из планово-экономического отдела подготовили целый доклад-презентацию о том, что в условиях прошедшей засухи выполнить скорректированный в большую сторону план просто не реально.

Вместе с Лапиным, мы подготовили точно такой же доклад о бедственном положении дел в Красной Заре, которая пострадала не только от засухи, но и от пожара.

С этим я и поехал снова в Москву, напрямик в четырнадцатый корпус Кремля, где располагался президиум Верховного совета СССР.

К счастью, мне удалось довольно быстро договориться о встрече с его председателем – Подгорным Николаем Викторовичем. Всё-таки депутатский значок открывает многие двери.

Сама же встреча прошла довольно кратко. Мои доводы

выслушали, причём я постарался тезисно донести все свои аргументы и опасения.

После чего меня попросили оставить все бумаги с расчётами, чтобы их перепроверили в профильном комитете.

Дальше мне оставалось только ждать результатов.

Я вернулся в Новый Путь, подготовившись к тому, что ответить мне могут ещё не скоро, однако уже через полторы недели мне позвонили и уведомили, что необходимо снова прибыть в президиум.

Естественно, я не стал оттягивать это, и мы с Андреем сразу же поехали в Москву на козлике.

Морально я был готов уже к любому решению. Но пока всё шло неплохо. К доводам из моего доклада вняли, о чём с улыбкой сообщил мне Николай Викторович.

Однако, радоваться было рано.

Мне сообщили, что буквально на днях к нам прибудет комиссия, чтобы провести собственную проверку хозяйства в колхозе и убедиться в верности моих расчётов.

Ну, этого я не боялся. У нас вся бухгалтерия максимально прозрачная, так что будет трудно найти что-то, что бы не соответствовало моим расчётам.

Собственно, это и отметил один из инспекторов, приехавших в наш колхоз.

– Товарищ Филатов, – обратился он ко мне. Я чуть ли не в первый раз вижу настолько аккуратную и чистую бухгалтерию. Обычно, всегда есть какие-то мелочи, которые недо-

глядели. Случайно или специально. Но у вас здесь полный порядок.

Я передал его слова Ларисе Ивановне, и она прямо расцвела.

– Вот не зря вы, Сан Саныч, заставили меня переписать часть бухгалтерских тетрадей так, чтобы не только мне понятно было. А я, честно сказать, сначала думала, что блажь это. Никому не пригодится.

– Ну, вот видишь, – улыбнулся я.

– Ну теперь-то я всегда вас слушаю, – согласилась Рябова.

Тем временем, комиссия уехала сначала в Красную Зарю, а потом и совсем из наших колхозов, а меня снова вызвали в Москву. На этот раз за окончательным решением.

Конечно, я нервничал, если всё оставят как есть, то дело – дрянь. Но всё сложилось довольно-таки неплохо, если учитывать, какое ярмо на нас хотели повесить.

Наши планы по зерновым пересмотрели в меньшую сторону, даже по сравнению с тем, что было изначально, до корректировки.

А план по скоту просто оставили таким же как в начале года. То есть тоже, то, что сверху накрутили – теперь убрали.

У меня буквально камень с души свалился. Даже Андрей заметил, когда я вернулся к нему в козлик, что я весь сияю. Давненько такого не было, что он сразу отметил.

– Не понимаю, чему вы так радуетесь, товарищ председатель. Конечно, приятно, что справедливость восстановили.

Но ведь сколько нервов мы все потратили, особенно вы.

– А это, Андрей, эффект козы.

– Эффект чего? – удивился водитель.

– Не знаешь анекдот, что ли старый? Тогда расскажу: приходит еврей к раввину и говорит: «Какая же жизнь у меня тяжёлая, дома не протолкнуться, теснота, дети кричат, жена недовольная, тёща ещё, грязно, везде всё разбросано. А раввин ему и отвечает: «купи козу». Удивляется еврей, куда ещё козу-то? Но поступает, как сказано и приходит снова к раввину уже через месяц, плача, что теперь вообще сущий ад дома. Мало всех тех проблем, так ещё и коза сверху, места занимает много, гадит везде. Ну ему раввин и отвечает: «теперь продай козу». Еврей снова делает всё как велено и через какое-то время возвращается со словами: «Вот спасибо тебе за совет, продал козу, так хорошо сразу стало, так просторно...»

* * *

Перед тем, как вернуться в колхоз, я решил заехать к Кандренкову, с хорошими новостями. Однако, он отреагировал довольно сдержанно и моей радости не разделял.

– Ты, конечно, молодец, Филатов. Отстоял своих людей. Выиграл вам время, да и Красной Заре тоже помог. Но вот, попомни мои слова, в следующем году, вам так взвинтят планы, что как бы ты ещё не пожалел об этой отсрочке.

Что ж. Кто знает, может и так. Но ответил я другое:
– Прорвёмся, Андрей Андреевич.

* * *

Фролов в очередной раз ужинал у Елизаветы дома. Прямо посреди трапезы он отложил вилку в сторону, посмотрел в глаза девушке и сказал:

– И сколько же ещё у тебя талантов?

– Ты о чём? – слегка засмушалась она.

– Мало того, что в тебе идеально сочетаются красота и ум, что между прочим редко встретишь, так ещё и готовишь восхитительно. Ой, повезёт же кому-то... – он хитро улыбнулся и подмигнул ей. Лиза ответила такой же улыбкой, – и как же я без тебя раньше жил!

– Ешь, а то остынет!

– Ох, точно! Забыл тебе рассказать новость! У Филатова получилось.

– Что получилось? – с интересом ответила она.

– С новым планом дела уладить, – похрустывая солёным огурцом уточнил Фролов. – Во даёт! Добился всё же своего. Я уж думал это дело бесполезное.

Стоило ему договорить, как улыбка сползла с лица девушки.

– Что такое? – он тут же заметил изменение в настроении Лизы.

– Да нет, ничего, – ей пришлось приложить усилия, чтобы состряпать довольное лицо, – задумалась просто. Как-то странно всё получается. Ты ведь сам говорил, что он намерен выполнить новый план, а теперь я узнаю об обратном. Впрочем, оно и не удивительно. Всего лишь несколько месяцев осталось, видимо, переоценил свои силы.

– На самом деле, проблема тут в другом, – Фролов с серьёзным лицом прервал её догадки, – план он как раз-таки выполнить мог, вот только пришлось бы оставить своих людей ни с чем, вплоть до сбора урожая с огородов колхозников и изъятия их скотины. Он мне показывал подсчёты, там всё прям тютелька в тютельку!

– А помощь? Ты ведь сам говорил, что ему предлагал кто-то.

– Ты же знаешь Сан Саныча, – он покачал головой и махнул рукой, – чтоб он согласился на такую хитрость пойти, нет, такому не бывать. Полагаться на других не в его правилах. Я уж думал, что выбора у него не осталось, только собрать всё что есть в колхозе и сдать, но нет, выкрутился!

– А как у него это получилось? – захлопала глазами Лиза.

– Обратился куда надо и кое как выбил проверку колхоза, как раз на днях приезжали, после этого план и скосили. Хоть пожара у них и не было, но засуха всё же немного поля да подпортила, сама понимаешь.

– Но ты ведь говоришь, что на самом деле он мог план выполнить, тогда как у него получилось обмануть проверя-

ющих? – Лиза ушам своим поверить не могла. Неужели Филатов пошёл на хитрость?

– Никого он не обманывал, как вообще тебе такое в голову прийти могло, – смеясь ответил Фролов, – проверяли имущество колхоза и только его, а если новый план выполнять, то представь, как люди бы отреагировали? Пришлось бы забрать у них всё! Нет, так поступать со своими колхозниками он не собирался.

Девушка сделала довольный вид, будто радуясь быстрому решению проблемы, а затем задала ещё несколько вопросов Виктору Петровичу, последний из которых касался документов, находящихся в кабинете Фролова. Каждый её вопрос получал развёрнутый ответ, уж настолько мужчина ей доверял. Вот только хитрая девушка умело собрала всю необходимую информацию, а как осталась наедине со своими мыслями, придумала способ перекрыть воздух председателю Нового Пути.

Ей ничего не стоило добраться на следующий день до заветных документов и переписать всё, что было написано рукой Филатова. Вся информация о количестве зерна, скота и потребления оказалась в её ловких руках. Но даже на этом она не остановилась. Елизавета понимала, что у неё ровно одна попытка и будет лучше, если она сможет собрать всю возможную информацию о колхозе. Так в свой очередной выходной она направилась в Новый Путь, чтобы провести свою собственную ревизию. И хоть большую часть информа-

ции она смогла добыть из документов, но девушка считала своим долгом удостовериться не только о состоянии полей, но и личных огородов колхозников.

Обойдя большую часть колхоза, девушка убедилась, что засуха практически не нанесла ущерба, особенно после фотографий других регионов в газетах. Её не интересовало какими усилиями жители добились такого результата, главное было другое – желание Филатова без веских причин уменьшить план, особенно сейчас, в такое сложное для страны время. Елизавета также обратила внимание на то, что с тех пор, как она покинула Новый Путь, у жителей пошли дела в гору. По крайней мере количество скота и кур, находящихся в личном использовании, заметно увеличилось.

Девушка покинула колхоз в приподнятом настроении, а по возвращению домой принялась писать донос. Она не хотела использовать своё имя, так как понимала, что Филатов за всё это время мог обзавестись надёжными связями и, скорее всего, информация о доносе быстро бы дошла до его ушей, поэтому вместо имени она представилась как честный советский гражданин. Ей доставляло особое удовольствие прикрывать свою ненависть к Филатову словом «честность». В своём доносе девушка написала всё, что ей удалось узнать.

«... в то время, как вся страна недоедает и пытается справиться с последствиями засухи, посмотрите, как живут люди в колхозе Александра Александровича Филатова. Насколько мне известно, сначала он согласился взять на себя повы-

шенные обязательства перед Родиной, а потом проявил малодушие, несмотря на то, что его колхоз мог выполнить поставленную задачу в указанный срок. На этом председатель Нового Пути не остановился и попытался склонить на свою сторону других директоров совхозов и председателей колхозов. Продвигая идею „Своя рубашка ближе к телу“. Прошу вас разобраться в беспорядке и проверить колхоз товарища Филатова, уделив особое внимание личным хозяйствам»

Донос был отправлен не в газеты, а сразу в комитет народного контроля, где его бы точно не проигнорировали. День за днём Лиза смотрела в календарь и считала дни. Когда письмо достигло Москвы, по крайней мере, по её личным подсчётам, она начала всё сильнее интересоваться делами в Новом Пути, то и дело засыпая Фролова вопросами. Он, в свою очередь, сначала удивился такому раскладу, но позже понял, что с её ответственностью и добротой, девушка просто переживает за колхоз, не зря ведь она приехала сюда работать, пусть сейчас она и не работает напрямую с Филатовым, а вместе с ним занимается делами сельсовета.

* * *

Прошёл почти месяц со дня отправки письма и вот, в кабинет председателя забегают Лариса Ивановна и с трясущимися от волнения губами сообщает о неожиданной проверке.

Нам пришлось снова поднять все документы, что только были. Меня насторожил тот факт, что комитет народного контроля прислал целую делегацию в мой колхоз, но я посчитал, что это снова из-за корректировки планов.

Но, к моему удивлению, они не остановились только на изучении записей, но также захотели лично взглянуть на наши фермы, не обходя стороной запасы зерна. Всё время, что мы обходили владения колхоза, у меня не возникало ни одной плохой мысли, но когда делегация внезапно заинтересовалась личным подсобным хозяйством моих людей, скрупулезно подсчитывая количество всего их имущества – тут-то я и понял, что в наш колхоз пришла беда. Всё, от скотины до заготовленного сена, было тщательно задокументировано, а по окончании проверки делегация уехала в Москву. Необъяснимое чувство тревоги не отпускало меня целую неделю. Дурное предчувствие, не иначе.

В один из дней ко мне в кабинет вошли несколько человек, часть из них была из всё-того же комитета народного контроля, часть из управления сельского хозяйства района, а остальные, во главе с секретарем райкома Емельяновым, представляли партию. Видимо, к нему на подмогу был брошен еще и второй секретарь Калужского Обкома – Стародубцев. По их хмурым лицам я понял, что меня ждут неприятные новости, так оно впоследствии и оказалось.

– Товарищ председатель, – начал высокий гость из Калуги, – недавняя комиссия показала что в вашем колхозе име-

ются некоторые излишки, вам предлагается продать их по твердым государственным ценам.

– Подождите товарищи. О каких излишках вы говорите? У нас всё задокументировано, и мы регулярно рапортуем в район.

– Вы немного не поняли. Я сейчас говорю о личных подсобных хозяйствах ваших колхозников. Тем более, что год выдался трудным, корма дорогие, вот мы и поможем людям, скупив у них излишки скота по твердым государственным ценам, – заладил он как попугай, – мы поможем колхозникам, а колхозники помогут другим трудящимся нашей области, время нынче тяжелое, понимать надо.

– А вы не находите в ваших же словах противоречие? Моим колхозникам помогать не надо, мы сами справимся.

– Товарищ Филатов. Вы же депутат и коммунист! Что за мелкобуржуазные мысли у вас? Колхозники не ваши, а наши, советские. И все они как ответственные и сознательные товарищи безусловно поддерживают решения партии.

– Это не решение партии, а самый натуральный грабёж, – вмешался Мясов, – который присутствовал при этом разговоре, – мы всегда были надёжной опорой для сельского хозяйства района и области. И даже сейчас, после сильнейшей засухи дела в нашем колхозе идут лучше, чем в большинстве хозяйств страны. А нас в качестве похвалы ограбить собираются.

– Товарищ Мясов, я бы на вашем месте сейчас замолчал и

подумал бы стоит ли продолжать. А то ведь мы можем и поднять вопрос о вашем соответствии занимаемой должности.

– Илья Прохорович, – обратился я к нашему парторгу, – да, ты немного погорячился. С колхозниками же рассчитаются, – мне нужно было успокоить Мясова, а то так пойдёт, что я без парторга останусь. – Да и тем более это предложение от которого невозможно отказаться. Так ведь товарищ Стародубцев?

Тот помедлив кивнул.

– Ну вот, так к чему вся эта шарманка? Начинайте, тем более что у вас и списки заготовлены. Но имейте в виду, я, как депутат Верховного Совета СССР, это так не оставлю.

– Если вы думаете, что можете, прикрываясь депутатским удостоверением, покрывать непонимание вашими колхозниками, – о, теперь они снова мои, – текущего момента, политической близорукости, мещанства и нежелание помочь стране в это трудное время, то вспомните, товарищ Филатов, как вы стали депутатом.

– Делайте своё дело, а потом катитесь ко всем чертям!

Глава 5

– А вот скажите, товарищ Стародубцев, – прищурясь спросил Фаддей у калужского чиновника, – а вот ежели я, или еще кто другой откажется продавать излишки, как вы их называете, по оптовым ценам. Что вы мне сделаете? Сейчас чай не двадцатые годы, продразверстку давно отменили.

– На этот счёт, товарищ, не знаю вашей фамилии у нас есть чёткие инструкции. Никакими противоправными действиями мы заниматься не будем, принудительного изъятия тоже не будет и ваши излишки, которые, как нам сообщили, и это сообщение было тщательно проверено и подтверждено, останутся при вас.

Ага. Теперь известно точно, что одной из причин, по которым эту комиссию на нас натравили, стал чей-то донос. Хотя это совсем не удивляет, люди уже несколько дней как судачили, что наверняка дело в этом.

– Ну вот и всё, братва, – Фаддей даже перебил Стародубцева и обратился ко всем остальным, – расходимся, ничего они нам не сделают и скотину со дворов не заберут.

– Я не закончил, товарищ. В случае отказа мы уедем, но колхоз Новый Путь будет преобразован в совхоз со всеми вытекающими последствиями.

Этот разговор Стародубцева и моих колхозников проходил прямо возле здания правления. На площади, пока суд да

дело собралась большая толпа очень недовольных мужиков и баб.

И едва наши незваные гости появились на улице толпа на них набросилась, не с вилами, конечно, но с расспросами.

Угроза преобразования была на самом деле серьезной. Да, сейчас потихоньку различия между колхозами и совхозами стиралась, но всё-таки преференции, позволяющие работникам успешных колхозов жить богаче, сохранялись.

Так что народ сразу замолчал. Ну а Стародубцев, желая совсем добить протест продолжил:

– И в новообразованном совхозе условия труда будут соответствовать тому что есть в других совхозах, ваша вольница с выходными, отпусками и путевками на курорты будет прекращена. Кроме того, само собой, всё и всяческое строительство на территории нового совхоза будет прекращено. Школу вы у себя еще очень долго не увидите. Так что думайте что вам дороже. Сегодняшние излишки или ваш колхоз. И еще кое-что, товарищ Филатов гарантированно не будет директором нового совхоза.

– Вы прав таких не имеете, – не унимался Фаддей. Вот же деревенский правдоруб, правозащитник практически, но здесь он попал в точку, – только по решению общего собрания. А среди нас дураков нет чтобы из колхоза в совхоз перекрещиваться.

– Тут вы правы, – легко согласился с ним Стародубцев, – но это пока. Сейчас готовятся изменения в законодательной

базе, и по ним в исключительных случаях решение о преобразовании колхоза в совхоз будут принимать на областном или республиканском уровне. Ваш случай безусловно будет именно таковым.

А вот это уже интересно, что-то я такого не припомню, чтобы принимались такие вот поправки. Да и сейчас, будучи депутатом и членом профильного комитета Верховного Совета я ничего подобного не слышал, а в обход верховного совета такие дела не делаются.

Впрочем, времени чтобы проверять это у нас совершенно нет. Возможно что и есть уже такое предложение, просто его не рассматривали должным образом. И раз этот Стародубцев так уверенно это утверждает, то не похоже, что врёт.

Закралось нехорошее подозрение, что кому-то наверху очень сильно мешают наши успехи, раз пытаются протолкнуть такого рода поправки.

Стародубцев на сегодня закончил дела в Новом Пути и уехал, а я остался наедине с колхозниками, теперь уже от меня они ждали каких-то ответов и понимания как им поступить.

Угрозы Стародубцева сделали своё дело, и даже самые ярые противники продажи хозяйства начали сомневаться в своём решении. Я взял слово:

– Товарищи, я понимаю, что никому не нравится то, что сейчас происходит. Но, хочу сказать одно. Вспомните, каким был Новый Путь, когда я только стал председателем, и ка-

ких успехов мы добились теперь. А если бы не засуха, то добились бы ещё большего. Сумеем подняться и снова, если останемся колхозом, это я вам могу обещать. А вот что здесь будет после превращения в совхоз, сами думайте.

Стихийное собрание вяло моим словам, и большинство согласилось, что придётся продавать, а вскоре и вовсе тема поменялась, и люди, вспомнив, что Стародубцев фактически прямо заявил, что донос всё-таки был, начали с удвоенным рвением обсуждать и гадать, кто же такой гад и крыса. До взаимных обвинений ещё не дошло, но разговор уже шёл на повышенных тонах.

Пришлось снова вмешаться и напомнить им, что не стоит никого обвинять без доказательств. Да и напомнить колхозникам о работе тоже не помешало, так что пришлось контролировать, чтобы все разошлись, чему они активно сопротивлялись.

Надо ли говорить, что в правление я вошёл злой и загруженный? И, когда в дверь моего кабинета кто-то постучался, обычное «кто там» я гаркнул довольно грубо.

На пороге возникла испуганная Аллочка.

– Извините, товарищ председатель, но надо поговорить.

– Это что-то срочное? Я сейчас очень занят, так что если дело терпит...

– Извините, – твёрдо ответила Алла, – но это, правда, очень важно.

– Хорошо, проходи, – кивнул я ей.

Она вошла и села на стул напротив меня.

– Это касается доносчика. Мне кажется, я знаю, кто это сделал.

Она замолчала, приняв максимально таинственный вид. Но мне было не до игры в загадки.

– Алла Юрьевна, так вам кажется или есть что-то конкретное о чём мне стоит знать?

– Конечно есть! – она возмущённо всплеснула руками, – я бы не стала попусту тратить ваше время.

Глядя на то, как долго она подходит к сути, я чувствовал, что закипаю.

– Ну так говорите уже!

– Говорю! Простите! – она понизила голос, – вчера вечером я забыла в правлении пару документов, с которыми хотела поработать дома. Но, когда я вернулась, то увидела свет в вашем кабинете, зашла туда, а там Лиза.

Алла торжествующе на меня смотрела, но я пока не разделял её уверенности.

– И что она делала?

– Рылась в ваших бумагах. Вот что! Но, увидев меня, она тут же сделала невинное лицо и сказала, что ищет потерянную днём серёжку. А я на её уши сразу посмотрела, а там те же серёжки, что и днём. Обе! У меня на такое глаз намётан, уж поверьте! Но она всё равно дурочку включила, сказала, что я что-то перепутала.

Я задумался. Конечно, Алла терпеть не может Наумову,

но вряд ли стала бы врать о таком. А Лизе действительно нечего делать ночью в правлении.

– Ты не видела в каких документах она рылась?

– Видела, конечно. Первым делом проверила, – гордо отозвалась Аллочка, – она рылась в вашей папке со строительными сметами, где все планы и договоры с Калужским Трестом.

– Вот как. Интересно.

– Зря вы эту змею подколодную снова на работу взяли. Вот она вас и отблагодарила.

Я покачал головой.

– Нельзя ставить крест на человеке из-за одной ошибки. Есть много тех, кто оступившись однажды, потом добросовестно работает. Вот взять хотя бы нашего Митю Ягодецкого. Другое дело, что и слишком много шансов тоже давать не стоит. Но нам нужны доказательства, что это именно Лиза написала донос. И, хотя, рыться в моём кабинете без разрешения ей явно не стоило, но это ещё не доказательство. Нужны и другие улики... – я постучал костяшками пальцев по столу и, внезапно, меня озарило, – Алла, найди номер почтового отделения в Красной Заре.

– Сейчас, – моментально засуежилась она и выбежала из кабинета.

И как я только раньше не подумал? Если доносчик отправил письмо, то наверняка он сделал это в соседней деревне, где ближе всего. К тому же, там никто толком не проверяет

кто и куда пишет письма, их просто сваливают в один общий мешок, в котором затем везут в Калугу, и уже в городе всё сортируют.

Вскоре Алла вернулась с нужным номером, и я тут же позвонил, представился и сразу перешёл к делу, назвав имя и описав внешность Лизы.

— А что-то случилось, что вы её так разыскиваете? Неужто пропала девка? — раздался удивлённый голос из трубки, — я её буквально несколько часов назад видела, она марки купить заходила.

— А отправляла что-нибудь?

— Да нет, ничего. Так что с ней случилось?

Я успокоил работницу почты и разговорил её ещё немного, выяснив, что Лиза заходила на почту не первый раз, и примерная дата, как раз укладывалась в промежуток, когда донос теоретически мог быть отправлен.

К сожалению, моя собеседница не помнила, что это было за письмо, сказав, что и Лизу-то запомнила потому что они так мило побеседовали. Собственно, занятая разговором, она и не посмотрела, что там на конверте, просто бросила его в общую кучу.

Когда я положил трубку, Алла, которая всё это время стояла рядом, торжествующе заявила:

— Ну вот видите, всё сходится!

— Сходится, — согласился я, — но для железных доказательств, этого всё-таки маловато. Ладно, Алла, давайте ра-

ботать. А с Лизой я завтра поговорю, у неё сегодня всё равно выходной, и в правлении она не появится, а дел немало.

Алла явно расстроилась, но спорить не стала и вышла из кабинета, а я снова погрузился в документы, все мои мысли были забиты тем, как быстро поднять колхоз заново, чтобы больше не чувствовать, что я подвёл своих людей.

Мою работу прервали громкие голоса. Кто-то шумно выяснял отношения в соседнем кабинете.

Я не мог оставить это без внимания и вышел в коридор. Гвалт стоял в комнате, которую мы временно выделили Фролову под его дела сельсовета.

Там, возле стола, где, обычно, работала Лиза, стояла Аллочка, а её за руку схватил Виктор и в чём-то обвинял. Она, разумеется, вырывалась. Заметив меня, она сразу же закричала:

– Товарищ председатель, пусть он меня не трогает! Мне больно!

Не знаю уж в чём тут дело, но выкручивать руки девушке – последнее дело.

– Петрович, оставь её в покое, что случилось?

Фролов обернулся ко мне с яростью в глаза.

– Что случилось?! Да она воровка! Копалась в ящиках Лизы! Я её прямо на горячем и поймал!

– Успокойся и убери руки от Аллы Юрьевны, – снова спокойно приказал я, и он, наконец, меня услышал.

– Да какая воровка! – воскликнула Аллочка, потирая за-

пьястья, – это Лизка – крыса. Смотрите, что я нашла!

Она достала из кармана какой-то порванный листок и передала его мне со словами:

– Явно доносы писать тренировалась.

Я взглянул на бумагу и увидел там несколько перечёркнутых предложений, среди которых прочесть получилось только несколько слов: «Я, как сознательный гражданин Советского Союза, не могу не...»

– Дайте сюда! – мгновенно отреагировал Виктор, грубо вырвав у меня листок из рук.

– И что это доказывает? Да может это Алла ваша и подкинула! Все знают, что она терпеть Лизу не может! Уже один раз её выжила, теперь и второй хочет!

– Верни мне бумагу, – только и ответил я ему, – хочу лучше изучить почерк.

– Зачем?! Ты что правда веришь этому гнусному вранью?! Да как ты вообще можешь обвинять Лизу в чём-то подобном! Да она никогда на такое не пойдёт.

– Я должен убедиться, – продолжал я настаивать, – давай сюда.

– А знаешь в чём я убедился, – резко подошёл он ко мне практически вплотную, – ублюдок ты, Филатов! Как есть, ублюдок! Если кто-то тебе в рот не заглядывает и не соглашается с каждым твоим словом, так ты его изводить начинаешь, работать нормально не даёшь. Теперь вот ещё это. С меня хватит!

Он замахнулся и попытался ударить меня кулаком в лицо, но я успел перехватить этот удар и инстинктивно врезал ему в солнечное сплетение.

Фролов охнул от боли, но не отступился, а буквально напрыгнул на меня всем весом и чуть не свалил на пол. Алла завизжала так, что сейчас наверное весь колхоз сбежится.

А мне с этим озверевшим оленем пришлось драться всерьёз, потому что слов он уже не слышал, пылая яростью и, наверняка, чувствуя себя настоящим рыцарем, который защищает честь своей дамы.

Жаль только, что дама оказалась с гнильцой.

Но дрался Виктор плохо, либо его накрыло просто до пелены перед глазами. Он бросался на меня как бешеная собака, но все его выпады были прямыми как палка, и я легко предугадывал большинство его действий. В конце концов, я просто подловил его на очередной ошибке и удачно толкнул так, что он не удержал равновесие и упал. Закрепляя результат, я наклонился и пару раз врезал ему по лицу. Я старался не покалечить, у меня-то мозги ещё оставались на месте, но всё равно удары получились смачные, да и крови из носа, конечно, избежать не удалось. Она и от меньшего политься может.

Но я надеялся, что этого хватит, чтобы привести его в чувство, так что теперь просто схватил его за грудки и спросил: – Ну что, хватит? Успокоился? Или ещё добавить? – он молчал, и я продолжил, – ты просто идиот и осёл, если не

хочешь разобраться в ситуации. Не думал, что твоя Лиза может просто тебя использовать? А ты кидаешься на её защиту как тупой олень. Вставай.

Я протянул ему руку и помог подняться. Хотя принял он мою помощь с весьма хмурым видом. Вот же проблемный мужик оказался. Ещё и нёс какую-то ерунду, что я выживаю всех несогласных. Уж не Лизонька ли и тут постаралась? Могла накрутить этого идиота. Да уж. После такого цирка, конечно, наша совместная работа, под большим вопросом.

Но сейчас нужно было разобраться с другим. Я, наконец-то, получил обратно злосчастный лист бумаги и, пристально его изучив, подытожил:

– Это её почерк. Наумовой. Я достаточно долго с ней работал, чтобы узнать. Да и ты сам посмотри внимательно, без эмоций.

Алла уже принесла Фролову платок, и он вытер кровь с лица. А само кровотечение было не долгим.

– И всё равно это ничего не доказывает, – упрямо пробухтел он, – эта фраза может значит что угодно! Не обязательно донос.

– Ну так давай её и спросим. Она сейчас в Свете Коммунизма?

– Нет. В Калугу поехала утром, с Семёном, одним из наших водителей. Сказала, что на рынок. Он часто колхозников с собой берёт, когда по делам ездит. Поехали за ней! Не могу ждать!

В этом весь Фролов. Совершенно не умеет контролировать эмоции. Но я и сам хотел ехать. Сложив несколько улик, вполне можно предположить, что в этот раз Лиза решила отправить письмо прямо из Калуги. А если так, то это лучший момент, чтобы поймать её за руку.

* * *

Немногим ранее:

– Ой, Лизочка, знаем мы на рынке мужчину одного, точнее, как знаем... Ванька, сосед мой, познакомил нас. Так вот, грибы мы теперь только у него и берём! Каких только нету, все вкусные и свежие! Так что и ты прикупи обязательно.

– Спасибо, Светлана Васильевна, конечно же взгляну, – едва сдерживая зевок ответила Лиза.

– Да что ж ты меня так называешь? Можешь просто по имени! Не чужие же! – настояла женщина. – А ты вообще, что на рынке то хотела?

В этот момент машина подпрыгнула на кочке, заставив водителя, мужа Светланы, буркнуть что-то под нос.

– Да вот молока думаю взять... – нерешительно начала девушка.

– Молока? Так этого и у нас полно! Ты бы сказала мне, Лизка, я же могу соседку попросить! – дружелюбно подхватила женщина.

– Сама не знаю, чего хочу, Светлана Васильевна. Давно на

рынке не была.

На самом деле, Елизавету абсолютно не интересовал рынок. Главная цель поездки в Калугу – это почта. Новый донос, на этот раз касательно строительства, уже был написан, но покупая марки на почте в Красной заре, девушка услышала разговор работниц о том, что впредь стоит быть внимательнее к письмам и тогда, возможно они узнают, кто же был доносчиком в прошлый раз. Слухи распространялись быстро, и даже колхоз, которого комиссия не коснулась, тоже активно следил за развитием ситуации.

Естественно после такого, Лиза не стала отправлять письмо, а предпочла сделать это на другой почте и, желательно, как можно дальше. В этот же день она узнала о том, что Светлана с мужем собираются на рынок и, недолго думая, напросилась с ними. Фролов удивился внезапной затее, но Лиза игриво раззадорила мужчину, обещая шикарный ужин.

– Просто Света! – поправила её улыбчивая женщина. – Ты же у нас городская, да и молодая ты, Лизка, понятное дело, скучаешь по городу. Скучно должно быть тебе в колхозе.

Больше всего Елизавета терпеть не могла, когда её называли «Лизка». Сразу напоминало о том, как её дразнили в детстве. Но Светлана была настолько дружелюбной, что Лиза предпочитала промолчать.

Когда они добрались до Калуги, Светлана Васильевна уже успела рассказать всю свою подноготную, вплоть до самых мельчайших подробностей из детства, а Лиза, в свою оче-

редь, с тоской смотрела в окно автомобиля, желая выпрыгнуть прям на ходу, лишь бы подальше от длинного языка женщины.

Подъезжая к рынку, Лиза уже заприметила почту, и дело оставалось за малым, но стоило машине остановиться, как Светлана вцепилась в девушку пуще прежнего:

– Пошли, Лизка, на живность посмотрим! Нам теперь кур бы докупить, – с досадой выдохнула женщина.

– Я потом к вам присоединюсь.

– Куда же ты? – вылупила глаза Светлана. – Я думала вместе пройдемся!

– Вы идите, идите. Я проголодалась, сначала перекушу, – Лиза отчаянно пыталась отвязаться от надоедливой женщины, но та совершенно этого не понимала.

– Так вместе и сходим! – резким движением она взяла Елизавету под руку и закрыв глаза принялась к манящему запаху пирожков, – Сём, ты как, с нами?

– А давай! – следом подхватил муж.

Всё происходящее раздражало Лизу, но ссориться с людьми, которые являлись ключом к её благополучному возвращению в колхоз, она не хотела.

Семён быстрее всех закончил с тремя пирожками, в то время как женщины с трудом управлялись со вторым.

– Так, я поеду с делами закончу, да с мужиками пообщаюсь, новости узнаю, а вы ешьте. Встретимся возле грибника.

Светлана молча кивнула мужу, откусила сочный мясной

пирожок и, как ни в чём не бывало, продолжила обсуждать количество выкопанного картофеля, то и дело хвастаясь, что и картошки и огурцов в этом году у неё было больше, чем у соседей.

– Но хранить её негде. У нас и так весь погреб забит.

Лиза молча продолжала есть. За это время, проведённое вместе со Светланой, девушка уже поняла, что отвечать Светлане не обязательно. Она словно радио, только выключить нельзя.

– Пришлось одну треть тётке своей отдать, вторую сестре Сёмки моего, а третья у нас. Так и живём. И да, если тебе нужна картошка, то только скажи! Я ещё компот вкусный закрываю, ты мне напомни, попрошу Сёмку достать тебе баночку! Какой же у нас есть... – она подняла ладонь и принялась считать на пальцах, – с вишней, с абрикосом... ой, с ранетками ещё есть, как раз у Зинки взяла и...

– Возьму, возьму конечно, – резко перебила Лиза, готовая согласиться на всё, лишь бы собеседница замолчала, – вы извините, мне нужно по делам идти. Я недолго, это рядом. Идите к Семёну, а я вас найду.

– Ты хоть доешь, Лиз! И так тощая... – Светлана посмотрела на девушку и показала головой.

– Уже не лезет, – бросила девушка, подразумевая не только пирожок, но и болтовню чрезмерно дружелюбной женщины.

– Стой, стой! Да как же ты нас найдёшь? Там народу ого-

го! Это же недолго, сама сказала, так что лучше с тобой пойду. Интересно же, куда молодёжь ходит!

– Я на почту, письмо матери отправить хочу, да и только. А как отправлю, так сразу к вам вернусь, – заверила Елизавета, продемонстрировав женщина конверт. Она в тайне надеялась, что узнав это, Светлана не пойдёт с ней, ведь в отправке письма мало чего интересного, – а если не найду вас, то буду возле машины ждать.

– Ай, ладно! – недоеденный пирожок угодил прямо в урну. – Пойду с тобой за компанию!

От услышанного Елизавета злобно сжала губы, но слегла повернулась в сторону, чтобы Светлана не заметила. Терпения почти не оставалось. Ещё немного и она взорвётся, но собрав последние силы, девушка заставила себя успокоиться.

– А знаете, чего время терять? Лучше давайте сначала на рынок, обойдём всё, а потом довезёте до почты, я быстро отправлю и поедem домой, – с трудом улыбнувшись сказала Лиза.

Женщину вполне устраивал этот вариант. Она в очередной раз взяла девушку под руку и потащила в сторону рынка.

* * *

Первое что мы сделали, когда наконец приехали на рынок, так это нашли автомобиль Семёна. Внутри никого не было, но если машина здесь, то и хозяин где-то неподалёку.

– Так, ты здесь стой, вдруг вернутся, а я пойду рынок обойду, – Фролов незамедлительно кивнул.

Сегодня удача определённо на моей стороне. Стоило мне зайти на рынок, как среди толпы я отчётливо услышал громкий женский голос, повторяющий «Лизка, Лизка». Повернувшись, я увидел Светлану и Елизавету. Нашли глаза с доносчицей встретились и её лицо моментально побелело. Пока она стояла словно парализованная, я подошёл к ним и с улыбкой поприветствовал обоих.

– Александр Александрович! Уж вас мы здесь увидеть не ожидали! – расхохоталась Светлана.

– Взаимно. Особенно я не ожидал увидеть здесь вас, Лиза.

– Да вот, захотелось съездить, – я сразу словил лёгкую дрожь в её голосе.

Елизавета оказалась настолько удивлена, что, казалось бы, вцепилась в руку Светланы, как за спасательный круг.

– А мы вот цыплят купили, правда немного, на сколько хватило денег. Вон, Сёмка несёт, – она подозвала мужа рукой, – странно, ходим здесь, ходим, а вас не видели! Может не узнали вас? Богатым будете!

Пока Семён нёс сетку с цыплятами к машине, Светлана демонстрировала мне свежие грибы, а Лиза медленно тащи-лась сзади.

– Елизавета, а чего это вы ничего не купили? – с нашего рынка невозможно уйти с пустыми руками. Здесь есть всё. И даже больше.

Она слегка пожала плечами, открыла было рот, чтобы ответить, но Светлана тут же выпалила:

– Да вот и я не понимаю. Столько всего ей предлагала, а всё нос воротит. Видимо просто соскучилась по городу! Даже грибы не стала покупать, посмотрите какие красавцы! Вот как же их не купить?

– О, Виктор Петрович! И вы здесь? – послышался голос Семёна. Лиза моментально повернула голову. Теперь перед глазами доносчицы появился Фролов. Её шаги стали ещё более нерешительными.

– А вы как, назад в колхоз или ещё дела какие? Можем вместе вернуться, – предложил я Светлане.

– Конечно, Александр Александрович, можем вместе вернуться – внезапно подала голос Лиза.

– Вот и отлично! Вместе вернёмся! Вы тогда вперёд, а мы... ой! – женщина поменялась в лице. – Как же я забыть могла! Тьфу, всё из головы вылетает. Забыла, что Лизке на почту надо. Письмо матери отправить хочет.

– Письмо? – Фролов повернул голову и насторожился.

Глава 6

Елизавета раздражённо посмотрела на Светлану, но уже было поздно. Слово не воробей, вылетит – не поймаешь.

– Какое совпадение! Вы езжайте, – обратился я к женщине, – а мы Лизу на почту завезём. Как раз туда собирались.

– Хорошо, пусть так, – кивнула она, смекнув, что что-то здесь не так.

– Нет, спасибо, мы со Светланой сами справимся, – Елизавета обхватила локоть женщины, вцепившись в неё как в спасательную соломинку, и улыбнулась.

– Это была ты, да? – с мрачным лицом обратился к ней Фролов. – Ты написала донос на колхоз и сейчас идёшь отправлять очередной?

– Что? – её актёрского мастерства хватило, чтобы изобразить максимальное удивление. Она посмотрела сначала на него, потом на меня, – за что вы так на меня взъелись?

– Показывай письмо, – в приказном тоне потребовал Фролов, не соблюдая рамок приличия.

– Это письмо для моей матери, и я не собираюсь вам его демонстрировать! – выкрикнула она в ответ, привлекая внимание прохожих. – Да что это вообще за просьба такая?!

– Тогда почему не захотели отправить его в Красной Заре? – спокойно добавил я. – Вы ведь сегодня с утра марки покупали, разве нет?

– Я... – она замешкалась. Явно не ожидала, что всё так быстро вскрыется, – я забыла его дома! А потом решила поехать на рынок, там же и отправить!

Забыла дома? Пожалуй, самое популярное оправдание следи школьников.

– Лиза, прошу, просто покажи, и весь этот бред закончится! У меня уже голова кругом идёт.

Фролов, кажется и сам не мог определиться со своим настроением. Его настроение и тон менялись каждую секунду. Я видел, что он очень хочет поверить Лизе.

– Витя, – нежно поманила она его, – ты же знаешь, что я никогда не пошла бы на такое. Это всё гнусная клевета!

– Знаю, но...

– Покажите нам адрес на конверте, – прервал её сладкую речь, так сильно опьяняющую Фролова.

После моих слов Светлана резко схватила сумку Лизы, выдернула её и бросила в руки своего мужа. Девушка хотела было кинуться в сторону Семёна и отобрать сумку, но Светлана не дала ей этого сделать.

– Прости, Лиза, но нам домой нужно возвращаться, а это всё может надолго затянуться! Я понимаю, неприятно, когда в личные дела лезут, но позволь ты им убедиться, что не ты это. Делов-то!

Семён тем временем хотел было открыть сумочку, но в последний момент остановился и сказал:

– А может вы сами, Александр Александрович? Как-то

неловко мне...

Я кивнул Фролову. Долго ждать не пришлось. Уже через секунду Виктор Петрович поднёс ко мне конверт, не решаясь взглянуть на лицевую сторону.

– Да как вы смее! Не трогайте мои вещи! – завопила что есть сил Лиза.

Я взял из его рук конверт и поспешил перевернуть, пока она весь рынок на уши не подняла.

– Быть не может... – прошептал Фролов, увидев адрес Комитета Народного контроля.

Мы открыли письмо и взглянули на содержимое доноса. Елизавета на этот раз прошлась по нашей стройке, требуя провести ещё одну проверку. Дескать, слишком уж всё у нас хорошо. Пока страна голодает, мы ни в чём себе не отказываем.

– Я тебя защищал, до последнего не верил, что это ты! Почему? Зачем ты это сделала? Это же и твой колхоз, дура! – не выдержал Виктор Петрович.

Лиза перестала кричать и вырываться.

– Подождите... – вмешалась Светлана, – это что и правда она написала донос на нас?

На вопрос женщины никто не обратил внимания. Семён схватился за голову, сел в автомобиль и что есть сил ударил по рулю, а Фролов продолжил выяснять отношения с девушкой.

– Ты врала мне, нагло врала... Лиза, ты хоть понимаешь,

что натворила? Ты предала весь колхоз, предала меня и даже себя!

– Я никого не предавала! Я лишь проявила сознательность! Это мой долг, как советского гражданина! – смело заявила Елизавета, полностью уверенная в своей правоте.

Я оттянул Фролова в сторону.

– Так, успокойся. Посмотри сколько людей вокруг, веди себя прилично, а если не можешь, то... – я уже давно догадывался, что между ними что-то есть, но после истерики Фролова не осталось и сомнений. Все эти чувства уж слишком сильно сказываются на нём.

– Всё, всё, – так и недослушал он, – прости, Сан Саныч, я не знаю, что на меня нашло. Она всегда была такой... ах, неважно.

– Ах ты ведьма! – послышался крик Светланы. Женщина вцепилась в волосы Лизы, а та скорчилась от боли. Семён же предпочёл просто сидеть и любоваться зрелищем.

Тут уж нам не до разговоров стало. Пришлось разнимать их, а если быть точнее, то спасать Лизу из цепкой хватки Светланы.

– Какая же ты свинья! – услышать такие оскорбления из уст дружелюбной женщины было чем-то новым для меня, – мы в Свете Коммунизма тебя приняли как свою! Со всей душой относились! Несмотря на всё слухи, что долетали из Нового Пути. И вот она, благодарность! Чем мы тебе дорожку перешли, чем? Из-за тебя у меня теперь всё отнимут! Ты

хоть понимаешь, сколько сил и здоровья я потратила на хозяйство? Кто мне всё это вернёт?!

– Светлана Васильевна, езжайте с мужем домой, а мы сами во всём разберёмся, – я жестом подозвал Семёна и попросил увести крикливую жену.

Ох, если бы она просто села в машину, но нет. Перед этим женщина высказала всё, что думает о виновнице случившегося и поклялась, что никогда больше не поможет Лизе, как и другие жители колхоза.

– Вы мне ещё угрожать вздумали? Я, между прочим, действовала во благо нашей страны! – рыкнула ей вслед Лиза.

Светлана села в машину и злобно хлопнула дверью, а её муж, до сих пор не сказавший виновнице и слова, добавил:

– Да, Елизавета, не ожидал я от вас. Всё-таки правда, что вам, городским, не понять с каким трудом мы в колхозах всего добиваемся.

Так они и уехали, оставив нас троих.

– Какой же я идиот... – схватившись за голову прошептал Фролов.

Я попросил Виктора Петровича подождать нас в машине. Всё, на сегодня достаточно его выходок. Скрывать не буду, он сильно упал в моих глазах. Всё-таки при такой должности нужно иметь холодную голову.

Лиза подняла с земли сумочку, отряхнула её и задрав нос сказала:

– Я ничего противозаконного не делала и увольняться не

буду!

Интересно. Вот уж не думал, что после того, как её раскрыли, она захочет остаться. Похоже, в ней сейчас разыгралось какое-то отчаянное упрямство. Что ж, вряд ли бы я сумел придумать для неё наказание лучше, чем она сама себе его выбрала. Да увольнение в этом случае было бы для неё спасением!

О, Елизавета, как же сильно ты недооцениваешь сарафанное радио и гнев колхозников.

— А кто сказал, что я тебя увольнять собираюсь? — коротко ответил я, и уехал оставив их с Фроловым выяснять отношения наедине.

К счастью, он приехал на отдельной машине, но и без этого, меня не слишком заботило как именно они будут возвращаться в колхоз.

* * *

Оказавшись после трудного дня дома, я порадовался, вспомнив, что тёща сегодня уехала в Ульяново по делам. Жаль, конечно, что Витю с собой забрала, но приятно, наконец, побыть с женой практически наедине. Так что первым делом я горячо поцеловал Машу, затем взял из кровати крикливую дочку. Стоило ребёнку оказаться на моих руках, как она тут же затихла.

— И так каждый раз, — с улыбкой прокомментировала уви-

денное Маша, – а я уже как полчаса успокоить её не могла. Чувствую, вырастет папиной дочкой!

– Вижу ты устала, давай сегодня вечером я ребёнком займусь.

– Это ты ещё себя не видел. По лицу могу сказать, что у тебя был трудный день, – она подошла к плите и помешала ужин в кастрюле, – что-то случилось?

Уложив ребёнка, я сел рядом с ней и рассказал о произошедшем. Подробности, касательно Елизаветы, не оставили её равнодушной, тем более, что это напрямую сказалось на работе Маши, ведь мы лишились стольких животных.

– Главное не это. Фролов подорвал моё доверие и закрывать глаза на такое я не намерен. Мало того, что я предупредил его, касательно Лизы, так он ещё и с кулаками на меня кинулся посмел. А глаза какие дикие были! Как у бешеного зверя! Хорошо хоть Аллу не тронул, пока никого рядом не было, а ведь мог. Я до сих пор не понимаю, как Наумова смогла его так взбаламутить. Взрослый мужик, а совершенно себя не контролирует! Нет, Маша, надо его с должности снимать. И без того слишком уж много за ним косяков водилось. Но не хотел я так поступать, когда мне настойчиво предлагали это в райкоме, обещал ведь, что будем вместе работать! Но то работать, а не вот такой вот цирк устраивать.

Маша слушала меня внимательно, и я видел, как она сама медленно закипает от возмущения. А на моменте, когда я рассказывал про драку, у неё у самой кулаки сжались. А

когда я договорил, она тут же начала пылко отвечать:

– Если бы ты не сказал, то я бы сама уговаривала тебя это сделать. У тебя и так работа нервная, а если рядом такие люди... Жаль, что с этой Лизой ничего сделать нельзя. К сожалению, она права, по закону она не сделала ничего предосудительного. Наоборот.

– Да это ладно. Она тут больше недели не протянет. И то, это с запасом. Я больше беспокоюсь, как бы не огребла она совсем уж сильно. Дуру-то эту не жалко. Жалко, если кто-то из наших из-за этого себе проблем наживёт. А с Фроловым завтра же решать вопрос буду, – не успел я высказать всё, что было у меня на уме, как раздался стук в окно.

На пороге оказался тот, о ком мы сейчас и разговаривали. Я приоткрыл форточку и предложил ему зайти в дом, однако Фролов отказался.

– Сан Саныч, разговор у меня к тебе. Давай лучше на улице обсудим, – по его нерешительному виду я понимал, что тут, скорее всего, дело личное.

– Сейчас выйду, – ответил я, захлопнув форточку.

– Только о нём вспомнили, и он тут как тут! Чего хочет? – озадаченно поинтересовалась Маша.

– Поговорить.

– Опять кулаками махать будет? – она ухватила за чугунную сковороду, – пусть только тронет тебя, я его тут же успокою! Так ему и передай!

Наблюдая за этой картиной я невольно рассмеялся. Нико-

гда не видел Машу такой. А лицо какое серьёзное! Точно не шутит!

– Не переживай. По нему уже видно, что остыл. А если понадобится, я и сам справлюсь.

Оказавшись на улице, я ещё сильнее убедился, что Фролов до крайности смущён.

– Сан Саныч, – несмело начал он, – я извиниться хочу. Дурак я. Какой же дурак...

Он опустил голову и сокрушённо спрятал лицо в ладонях.

– Сложно с этим не согласиться, – подтвердил я, чего скрывать.

– Люблю я эту змею, понимаешь?! – резко выпалил он, так, что сразу понятно, что это – крик души, – теперь знаю, какая она, но всё равно люблю. Тяжело это.

Я промолчал. И жаль его с одной стороны, а с другой, голову на плечах всё-таки нужно иметь.

– Я же с тех пор, как она впервые здесь работала, всё сох по ней, но держался. А потом в санатории решил, что сама судьба это. Не замечал ничего, слепой был.

Я понимал, что ему надо выговориться, так что просто слушал.

– А теперь вот... вот как всё вышло, – уклончиво закончил он, очевидно, всё ещё не желая прямо говорить о том, как сильно Наумова навредила нашему колхозу.

Я устало вздохнул и ответил:

– Петрович, ну ты же понимаешь, что мы с тобой после

того, что ты устроил, работать вместе больше не сможем?

– Да понимаю, конечно! – расстроенно воскликнул он, стукнув кулаком по забору, – я, в общем, за этим и пришёл сюда. Не смогу я работать после такого. Как в глаза смотреть своим колхозникам?! Конечно, у меня есть недостатки. Но я ведь честный человек, на самом деле. У меня ОБХСС ни одного нарушения не нашли по финансовой части. Ни копейки себе лишней не брал никогда. А Лиза... – он махнул рукой, – она мне намекала всё, мол не обеднеет колхоз, если я чуть лучше жить начну. Но я и этого не замечал, дурак слепой! Хорошо хоть не прислушался к ней, но ещё чуть-чуть и...

Он снова ударил кулаком по забору так, что тот аж покачнулся.

– Давай спокойней только. Покалечишь себя ещё.

Не хватало только забор после его буйства чинить.

– Извини, – тут же ответил он, отойдя подальше от ограды, а затем снова заговорил, – в общем, уезжаю я. Лиза твёрдо намерена остаться, ну и пусть. Если хочет, пусть даже в моём доме живёт, всё равно. Я завтра же во Владивосток рвану, а может сразу на Сахалин. Короче, подальше отсюда, да и родственники у меня там рядом есть. Не знаю чем займусь, может рыбаком стану... как в детстве мечтал.

Я пожал плечами. Его выбор и не скажу, что самый худший. Да и ему хотя бы хватило духу от своей любви отказаться, когда понял, что она за человек. Надеюсь, не даст слабины через какое-то время.

– Езжай. Только оформи свой уход как следует, чтобы ни мне, ни себе ещё больше проблем не создавать на ровном месте.

– Сделаю всё как положено. Ещё раз прости, Сан Саныч. И Алле мои извинения передай. Я уж вряд ли ещё её увижу. Ну, оно и к лучшему. Андрей ведь тоже может не сдержаться.

Я не стал говорить, что Андрей, хоть и намного моложе, но явно в несколько раз благоразумней Виктора, и мы попросились.

Вернулся домой я с некоторой долей облегчения. Теперь хоть об этом голова болеть не будет.

* * *

Но, к сожалению, и без разборок с Фроловым, головной боли оставалось предостаточно. Как минимум, мне пришлось ехать к Кандренкову. У меня накопилась к нему масса вопросов. И первый из них звучал так:

– Андрей Андреевич, вот сколько с вами работал, а никак не могу припомнить товарища Стародубцева. Что это за кадр такой и откуда он взялся?

Председатель обкома тяжело вздохнул.

– Это ты правильный вопрос задаёшь, Сан Саныч. Рекомендовали его из Москвы недавно совсем. И приехал он сюда, как ты уже догадываешься, с персональным заданием насчёт твоего колхоза.

– Ну, я надеялся, что это не вы его пригласили, – улыбнулся я в попытке слегка разрядить обстановку.

Но Кандренкову явно было не до смеха.

– Не я. И мои полномочия в этой вашей истории не так велики, как ты, возможно, думаешь. Так что, мой тебе совет, Филатов, если хочешь как-то повлиять на эту компанию явно развернутую против тебя, езжай в Москву. Но не в президиум к Подгорному, тем более, что ты у него уже был. А сразу к Косыгину.

Он замолчал, но, видя, что я явно жду пояснений, продолжил:

– По крайней мере, есть шанс, что вы найдёте с ним общий язык через Глушкова. И что он не из тех, кому ты не по душе.

– А кому я не по душе? – задал я главный вопрос.

Но Кандренков в ответ только развёл руками.

– Я в эти дела не лезу. И советы тебе даю просто исходя из здравого смысла, а не реального знания, кому ты дорогу перешёл. Но то, что это так – для меня очевидно.

– Понимаю. Спасибо, – поблагодарил я его.

– Не за что. Береги себя, Филатов. Меньше всего я бы хотел, чтобы тебя сняли с должности или ещё как-то выкинули из игры.

– Ну уж нет, – я ухмыльнулся, – от меня так просто не избавиться.

– И ещё кое-что, – добавил он пожимая мне руку на прощание, – я тебе ничего не говорил.

Глава 7

Я много размышлял о том кем мне заменить Фролова. Должность председателя сельсовета освободилась, и с этим надо было что-то делать.

Жаль, нельзя Мясова клонировать. Я бы с удовольствием порекомендовал его на новую должность, но тогда останусь без надёжного парторга. Это нам не подходит.

В конце концов, я решил переговорить с Ларисой Ивановной Рябовой. Тем более, что с появлением у нас планово-экономического отдела, бухгалтерскую работу тоже можно оставить на ребят из него.

Так что я пригласил её к себе в кабинет. Моё предложение настолько застало её врасплох, что она не удержалась от удивлённого возгласа:

– Вы шутите, товарищ председатель?

– Совсем нет. Или вы считаете, что не справитесь?

Она быстро замотала головой.

– Нет, не то чтобы... просто я об этом и не думала никогда. Меня вполне устраивает моё место.

– Значит вы не хотите?

На этот раз к мотанию головой прибавились и хаотичные взмахи руками. Она даже со стула вскочила в порыве эмоций.

– Нет! Я не знаю! Нужно подумать.

Я улыбнулся.

– Успокойтесь, Лариса Ивановна, это не вопрос жизни и смерти.

– Конечно, просто это ответственная высокая должность, а я, сами знаете, никогда за повышением не гонялась.

– Уверен, что вы справитесь точно не хуже Фролова.

Она снова села на стул и уже более спокойно продолжила разговор.

– Но почему я?

– Потому что я вам доверяю. И вы соответствуете требованиям для этой должности. Да, у нас в колхозе есть и другие люди, которым я тоже доверяю, но у них либо нет высшего образования, либо они уже выполняют максимально подходящую им работу. Вы же прекрасно помогли освоиться нашей молодёжи из планово-экономического отдела, так что непосредственно бухгалтерию мы можем доверить им. А мою рекомендацию, я надеюсь, одобряют.

– Если честно, я думала, что вы запрос выше отправите, чтобы нам нового специалиста прислали.

Я вздохнул.

– Да, так можно было сделать, но посмотрите в какой мы оказались ситуации. Сейчас, чем меньше новых людей, тем лучше. Ладно, если толковый попадётся, но ведь всякое может быть. И тратить время и нервы на то, чтобы сработаться со сложным человеком я бы точно не хотел.

Внимательно меня выслушав, Рябова улыбнулась:

— Ну раз так, то выбора вы мне не оставляете. Вы правы, я и сама не хочу, чтобы кто-то новый нам тут проблемы создавал. Хватило уже одной вертихвостки, до сих пор расхлёбываем, — закончила она уже максимально серьёзно.

Мы попрощались, и я не затягивая тут же договорился о встрече с Емельяновым, да и не только с ним. В районной администрации, естественно, уже знали, что Фролов уволился. Так что мне надо было решить этот вопрос быстрее, пока его не решили за меня.

К счастью, с этим особых проблем не возникло, и вскоре колхозники уже поздравляли Рябову с назначением. Её, к слову, многие любили и уважали. А ещё больше любили её легендарные пирожки, которыми она постоянно всех угощала. Помню, как мне они буквально помогли выжить, в самые первые дни, когда я только сюда приехал.

Недовольной была только Лиза. Мы с Ларисой Ивановой, кстати, когда договаривались о её повышении, как-то упустили из виду, что теперь она начнёт работать непосредственно под её началом.

Честно говоря, я вообще не понимал, ради чего Наумова так упрямится и не хочет увольняться. Люди вокруг её просто откровенно ненавидели. Но буквально с ослиным упрямством она каждый день приходила на работу.

Елизавета и правда ещё не догадывалась, как сильно изменится её жизнь после разоблачения. С отъездом Фролова у неё появилась небольшая проблема. От Красной зари до Нового пути расстояние довольно приличное и, если раньше её возил Виктор Петрович, то теперь пришла пора искать нового водителя. Лиза практически ни с кем не общалась, а та небольшая часть людей, с которыми она познакомилась благодаря Фролову, ехидно отказали в её просьбе. Причём она видела, что делают они это просто потому что не хотят. Но каждый придумал какую-то важную причину. У одного места нет, другой ещё кого-то подвозит, а у третьего как раз машина сломалась, хотя ещё вчера видела, как он ездит. По их взглядам девушка понимала, что те скорее всего наслышаны о случившемся, уж больно косо смотрели в её сторону.

Так или иначе, транспорт был нужен. Пешком идти не вариант, и она прекрасно это понимала, но расстраиваться всё же ещё рано, ведь в её рукаве был главный козырь – школьный автобус. Как раз утром уходит, а если поговорить с водителем, то и вечером, возможно, её смогут привезти назад.

Так утром следующего дня, Елизавета направилась на остановку, где стояла одна среди детей. Ждать долго не пришлось и вот, прибыл красно-белый автобус. От каждодневного пользования у ребят сложились свои порядки. Каждый

знал, за кем идёт и где сидит. Стоило Лизе пойти к свободному месту, как то, моментально оказывалось занято! Водитель заметил женщину среди детей, которая явно не ребёнка провожать пришла, поэтому поспешил её окликнуть. Лиза тут же отозвалась:

– Простите, но не могли бы довезти меня до Нового пути? У меня с транспортом проблема вышла, а вам всё равно туда ехать, – мило улыбнулась она, однако мужчина и бровью не повёл.

– Девушка, вы что за цирк здесь устроили? Это детский автобус, и я не собираюсь брать посторонних пассажиров! Выходите.

Она подошла к выходу, но остановилась. Автобус был её единственным шансом, сдать и уйти сейчас означало не явиться на работу. Лиза предприняла ещё одну попытку, но водитель даже слушать её не желал. На него не действовали ни уговоры, ни женские чары.

– Либо вы сами выйдете, либо я вам помогу, – кивнул он в сторону двери, – не задерживайте автобус, нам пора ехать.

Делать было нечего. Девушка вышла из транспорта, щепоточными глазами посмотрела на водителя, надеясь, что тот смягчится, но напрасно. Мужчина с ухмылкой захлопнул перед ней двери и автобус тронулся.

Вернувшись домой, Лиза увидела велосипед Фролова, на котором он приехал к ней ровно один раз, после чего оставил его под навесом. С тех пор прошло больше месяца. Его существование напрочь вылетело из её головы, но сейчас, когда она оказалась в непростой ситуации, этот двухколёсный транспорт, казалось бы, мог её выручить. Всё лучше, чем пешком идти. Да, опоздает, но лучше так, чем вовсе на работу не явиться.

И зачем она только согласилась стать «своим человеком» в колхозе для одного большого человека, спустя две недели, как сюда приехала? Теперь только это и держало её здесь. С ней связался один из её старых знакомых и предложил подработку, ничего серьёзного просто передавать ему всю информацию о планах Филатова, а он уже донесёт её до кого-то ещё. Жаль, что как бы она его не пытала, имя заказчика он так и не назвал.

Впрочем, ей это было и не слишком важно. Наоборот, всё казалось такой удачей. Дополнительно испортить жизнь этому козлу Филатову, да ещё и подзаработать на этом! Что может быть лучше?

Но теперь многое изменилось, а если она хочет получить своё вознаграждение, то нужно продержаться здесь до конца месяца. Так что пришлось даже сесть на велосипед.

Дорога до Нового пути оказалась нелёгкой. Лиза не привыкла крутить педали, а ехать в гору для девушки оказалось сущим адом.

И только злость на Филатова, а затем и на Фролова её подбадривала на этом пути. И почему только Витя оказался таким безнадёжным тюфяком? Вместо того, чтобы её защитить, приехал выяснять, что за письмо. Да какая разница?! Кто ему этот Филатов, и кто она?

От таких мыслей Наумова быстро закипала и ехала быстрее.

Так шли дни. Ей приходилось каждое утро ездить в колхоз, туда и обратно. А потом ещё и терпеть косые взгляды, а то и прямые оскорбления от колхозников из обеих деревень. Многие её просто игнорировали. Даже продукты продавать в магазине отказывались. Ей даже пришлось поехать за этим в Красную Зарю, но и там, к своему удивлению, она встретилась с отношением не лучше. В её голове это не укладывалась, ведь она ничего плохого им не делала, да ещё и слышала, что отношения между колхозами только недавно стали налаживаться. Однако здесь они проявили потрясающую солидарность.

Так что единственное, что она могла сделать, это посетить участкового с жалобой на такое вопиющее нарушение.

Он внимательно её выслушал, всё задокументировал и сказал, что проведёт все необходимые проверки по этому поводу и обязательно уведомит её о том, как продвигается де-

ло. После чего просто выпроводил её из отделения, несмотря на её горячую просьбу просто появиться с ней в магазине и заставить продавца сделать свою работу.

В итоге, Лиза была вынуждена поехать за едой аж в Ульяново. Там она едва ли не сдалась, глядя на то, как отъезжает автобус в Калугу, но героически вернулась обратно, рассчитывая, что вознаграждение окупит все её страдания.

На следующий же день она об этом пожалела, когда проснулась и обнаружила, что колёса её велосипеда кто-то проколол.

Матеря про себя всех этих убогих деревенщин, она кое-как нашла сердобольного парня, который помог ей с колесом втайне ото всех. И с тех пор, ей пришлось каждую ночь за-таскивать велосипед прямо в дом, чтобы это не повторилось.

Вестей от участкового тоже не поступало, так что она решила съездить к нему ещё раз и снова подать заявление о том, что кто-то повредил её велосипед. Но, глядя на его каменное лицо, она уже понимала, что здесь справедливости ей не добиться.

Оставалось только одно. И Лиза поспешила напрямик на почту, где написала большую жалобу о том, как ей не дают работать, после того, как она проявила гражданскую сознательность.

Но, когда она передала письмо, то работница почты, обычно, такая приветливая, отшатнулась от неё как от чумной. И, хоть и взяла письмо, но не бросила его, как обычно, в общую

кучу, а отложила куда-то в сторону. Отправит ли она его вообще?

Желание Лизы оставаться в колхозе таяло с каждым днём.

* * *

В одну из ночей, Лиза проснулась от странного шума. Она подняла голову, потёрла сонные глаза и затихла. Всё происходящее скорее напоминало сон, нежели реальность.

Она отчётливо слышала, как по её кухне летали тарелки, а следом за ними и столовые приборы. Девушка вдруг вспомнила рассказы своей бабки про домового и, хоть и не верила в такие байки, но сейчас, в этой деревне, всё показалось ей таким реальным. Так что она спряталась под одеяло, но вопреки её ожиданиям, шум не стихал.

– Хватит, хватит, – прикрыв ладонью уши прошептала она.

Но затем за дверью послышались шаги. Людей было несколько, но точное количество было сложно понять. До Елизаветы дошло, что в её дом посреди ночи кто-то ворвался, причём с очень нехорошими намерениями, а так как она одна и безоружна, самым лучшим вариантом будет незаметно выбраться в окно. Сейчас её дом – самое опасное место. Она встала с кровати, накинула на себя одежду, какую только нащупала в темноте, и медленно двинулась к единственному окну в комнате. Каждый шаг сопровождался громким

скрипом, от чего сердце билось ещё быстрее. Стоило ей подойти к окну, как дверь в комнату открылась и включился яркий свет. Лиза увидела в дверном проёме сразу несколько женщин. Те дружно столпились и злобно уставились на неё. Судя по тому, что шум на кухне продолжался, в другой комнате остались ещё несколько человек.

– Чего это ты не спишь, Лизонька, – съязвила одна из незнакомок.

– Кто вы? Зачем ворвались в мой дом? – с опаской спросила она.

– Да вот поговорить с тобой пришли.

– Поговорить? Мне не о чем с вами разговаривать! – все эти лица она видела впервые, – вы вообще время видели? – пыталась храбриться она.

– Зато нам есть о чем! Девочки, держите её! – целая толпа ворвалась в спальню Лизы.

Девушка вцепилась в защёлку, судорожно пытаясь открыть окно.

– Не подходите! Только троньте меня! – безостановочно выкрикивала Лиза. – Это мой дом! Я пожалуйюсь участковому, если вы не уйдёте! Вас всех посадят!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.